Мировая революция и Коммунистический
Интернационал.

Мировая революция и коммунистический интернационал

Петроград
1921

фонда

Г. ЗИНОВЬЕВ.

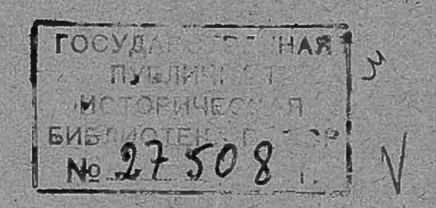
МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ПЕРЕВОД РЕЧИ НА С'ЕЗДЕ ГЕРМАНСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ ПАРТИИ В ГАЛЛЕ 14 ОКТ. 1920 Г.

ПЕТРОГРАД
1921

15-ая Гос. Тип. Птг. Звенигородская, 11.

Напечатано в количестве 20.000 экз.
Р. В. Ц.

При появлении товарища Зиновьева на ораторской трибуне левая часть с'езда приветствует его бурными криками в честь мировой революции.

ТОВАРИЩИ! Не без смущения и с чувством глубокого волнения вступаю я сегодня на эту трибуну,—трибуну с'езда сознательного германского пролетариата,—того пролетариата, от которого мы уже столь многому научились и еще научимся. Да, мы пришли сюда не только для того, чтобы поведать вам об опыте нашей пролетарской революции, но и для того, чтобы поучиться у германского пролетариата опыту его великой борьбы. Мы никогда не забываем, что германский пролетариат накопил свой опыт в течение пережитых им двух революционных годов, что нет в Германии ни одного города, где бы не была пролита пролетарская кровь за дело пролетарской революции. Мы никогда не забываем, что в рядах германского пролетариата сражались такие борцы, как Август Бебель, Вильгельм Либкнехт и другие. Мы не забываем, что германский рабочий класс в своей, преисполненной жертв борьбе может указать на имена истинных героев мировой революции: Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Здесь было сказано, будто мы пришли сюда с уже готовыми «предписаниями»! Неужели вы, действительно, думаете, что мы уж так зазнались, что не хотим учиться у пролетариев других стран? Кто думает так, тот сильно ошибается. Не настолько мы уж глупы. Разные басни распространены в целом мире о вождях Российской Советской Республики, о лидерах Коммунистического Интернационала, но никто еще не

говорил, что мы просто глупцы. Вы должны нам поверить, что мы внимательно следим за движением рабочего класса разных стран, готовы учиться у всякого движения и вовсе не действуем так, как будто только одни мы и умеем делать все, а другие не умеют ничего. Я постараюсь поделиться с вами приобретенным нами опытом; постараюсь также передать вам все то, что сообщено нам разными другими партиями, уже присоединившимися к Коммунистическому Интернационалу. Эти партии оказали нам величайшую честь, избрав Россию местом пребывания Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, от которого мы и получили мандат на выступление на этом с'езде. Мы сознаем всю ответственность, которую берем на себя, выступая на партийном с'езде от имени Коммунистического Интернационала.

Обращаюсь к вам с просьбой, по возможности, не прерывать меня во время моей речи, так как я, к сожалению, недостаточно хорошо владею прекрасным немецким языком.

Товарищи! Ваш нынешний партийный с'езд очень живо напоминает мне и, вероятно, также другим русским товарищам те партийные с'езды, которые происходили у нас, большевиков, вместе с меньшевиками до нашего организационного расхождения. Во многом те же аргументы, та же атмосфера. Вот, товарищи, еще одно лишнее доказательство, что эта борьба вовсе не есть личное дело, как полагают некоторые товарищи, но такая борьба, которую рабочий класс должен вынести на своих собственных плечах. Иного исхода нет. Это явление интернациональное, его можно констатировать в различных странах. Меньшевизм есть такое же интернациональное явление, как и большевизм. Около десяти лет тому назад, на одном из германских партийных с'ездов, в то время, когда старая социал-демократия жила еще в полном единении,

Фриц Эберт посмеивался над нашими русскими «кружками» и говорил: «в России, ведь, так много этих кружков!». И вот вы видите, что это были не «кружки», а великие направления борьбы, то были признаки развития, которое рабочий класс должен выявить теперь в различных странах. Вы должны с полной определенностью решить: *за меньшевизм вы или за большевизм.*

Нельзя, по нашему русскому выражению, как это пробовали делать разные товарищи правые, два раза в год справлять свои именины. Либо уж за меньшевиков, либо за большевиков. Необходимо сказать это ясно и определенно. Товарищи! Дело заключается в том, чтобы партийный с'езд сознательных германских рабочих принял ясное решение, и поэтому мы должны просить товарищей отбросить в сторону все мелочное, все случайное, преходящее и подойти вплотную к решающим проблемам.

Товарищи! Мы держимся того мнения (и дебаты вновь меня в этом убедили), что у вас в партии два направления, соединить которые невозможно. И не только два: некоторое время их было даже три. Мы уже заявляли в начале войны, после постыдного крушения Второго Интернационала, что все современное рабочее движение разбилось на три течения: правое, центр и левое, т.-е. коммунистов. В силу исторического развития у вас, в Германии, сделана была попытка с'ютить в независимой социалистической партии все эти три направления, под одной общей кровлей. Однако, теперь, когда и для Германии должен наступить час решения, это оказывается более невозможным и чувствуется обеими сторонами. Вы должны сделать выбор между двумя направлениями, которые можно обозначить коротко и ясно: *реформиз или коммунизм* (Возглас: «Совершенно верно!»).

Здесь говорили о «скрытых» коммунистах. Что это должно означать? До сего времени я думал, что все мы—коммунисты. Карл Маркс был, ведь, основа-

телем коммунизма! Для чего же тогда искать каких-то «скрытых» коммунистов? Мы не скрытые, а открытые коммунисты. Если вы, правые, не чувствуете себя коммунистами, чего же вам тогда искать в Третьем, *Коммунистическом* Интернационале? («Очень хорошо!») Итак, товарищи, я полагаю, что дело должно итти не о скрытых коммунистах, а о коммунистах открытых, стоящих за заветы Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Меньшевизм или реформизм—это явление интернациональное. Вы находите его в России, Германии, Франции, Италии, Америке, везде. Товарищи, здесь было сказано: да не лучше ли было бы сомкнуться *единым* фронтом *против буржуазии*. Да, конечно, это было бы очень хорошо и весьма желательно. Но, к сожалению, пока еще невозможно. Положение таково: рабочий класс уже достаточно силен, чтобы низложить буржуазию хоть завтра, лишь бы только мы все стояли за коммунизм твердо и об'единенно (Оживленные одобрения). Если рабочие все еще остаются рабами, то это потому, что мы все еще не преодолели проклятого наследия гнилой идеологии в наших собственных рядах (Бурные одобрения).

Дело, значит, в том, чтобы сам рабочий класс был, как следует, духовно ориентирован. Тогда не будет во всем свете силы, которая осмелилась бы выступить против него. Оглянитесь на весь мир. Кто спасает буржуазию? Так называемые социал-демократы! Кто стоит во главе реакционной французской республики? Не прежний ли социалист Мильеран? Кто стоит во главе шведской монархии? Не меньшевик ли Брантинг? Когда шведскому королю положение стало казаться слишком затруднительным, куда он, полный надежды, обратил свои взоры? Опять же в сторону господ социал-демократов. Когда положение совсем покачнулось, он сказал: «Господин Брантинг, прошу

вас, пожалуйте»! И рассказывают даже, будто король должен был обещать, если все пойдет благополучно, то он сам вступит в социал-демократическую партию (Смех). А что было у вас, в Германии, вы сами видели. Мы прекрасно знаем, кто спас в Германии буржуазию. Кто при попытке переворота со стороны Каппа спас в Германии буржуазию, когда все рабочие партии отказывали ей в этом? Не вожди ли профессиональных союзов, предводительствуемые Легином? А в Италии, где рабочий класс устраивает теперь частичную революцию, захватывая фабрики, т.-е. делает то, что русские рабочие делали за один-два месяца до Октябрьской революции,— кто спасает там буржуазию? Не реформисты ли Турати, Модильяни, Дарагона? Если буржуазия, обреченная судьбой, и получила сейчас отсрочку, то только потому, что имеются еще реформисты, к которым часть рабочего класса питает доверие. То же самое в Англии, то же самое вы видите и повсюду. Поэтому теперь вопрос об освобождении рабочего класса от ига капитализма сводится к вопросу о духовной ориентации самого рабочего класса. Потому-то столько и страстности с обеих сторон. Это не преходящее явление, это—проблема интернациональной революции, даже больше того: это проблема освобождения всего человечества. Оно целиком зависит от духовной ориентации нашего класса.

Товарищи, я думаю, в этом мы с вами согласны. Посмотрим же теперь, в чем наши действительные разногласия. Я внимательно слушал все многочисленные речи Криспина и Дитмана в Москве. Я тщательно следил за докладами и здесь, не прерывая их ни единым возгласом. Каждый день я усердно просматриваю всю германскую прессу. Должен вам сказать: и у нас бывают *принципиальные* разногласия по самым *решающим* вопросам, даже по вопросу о *мировой революции*. Многое и здесь подверглось обсуждению; но

только двух слов недоставало в больших речах Криспина и Диттмана, именно: *мировая революция*. Об этом здесь не было речи.

Товарищи! Не случайно мнение вожаков правой фракции партии независимых склоняется к тому, что революционное движение пока кончено; что то, что уже произошло, было его кульминационным пунктом, и что теперь придется долго ждать, пока оно опять двинется дальше (Протесты справа). Если это не так, то, ведь, вся ваша политика абсолютно непонятна. Ваша политика становится понятной только тогда, когда вы, по меньшей мере, исходите из этого предположения.

Это все тот же спор, который нам пришлось пережить и в России. Он был формулирован даже почти теми же словами. Когда в 1905 году революция потерпела поражение, на правом крыле нашей партии меньшевики говорили: «Революция потерпела поражение, мы должны признать это и создать легальную с.-д. партию обычного типа, мы должны заняться реформаторской работой». Формула была такова: 1847 или 1849? «1847» означало: «за год *до* революционной волны»; «1849» означало: «через год *после* революционной волны». Так формулировался спор. Большевики держались того взгляда, что революция не умерла, что она придет еще раз. Конечно, мы не могли знать, что контр-революция продержится восемь-десять лет. Но мы остались верными своей идее. Мы говорили меньшевикам: «Вы не верите в рабочий класс!». И что же, товарищи,—революция пришла! 1912 год, когда разразились ленские события, был уже, в сущности, ее началом. Вы находитесь в таком же положении. Оно еще не проявляется в ясных формах, но тенденция его уже вполне ясна. Сегодня уже цитировалось одно место из речи Криспина. Тов. Криспин был недоволен этим и заявил, что у него речь шла не об общем положении, а только о положении в партии.

Я процитирую это место еще раз. На вашей партийной конференции Криспин сказал в своем заключительном слове: «Ныне в Германии, и не только в Германии, но и во всех странах, мы находимся в положении, подобном положению после буржуазной революции 48 года». Прошу вас обратить внимание: «не только в Германии, но и *во всех странах*». Итак, речь идет не о преходящих только явлениях в роде того, что Штекер и Деймиг—дурные люди и что из Москвы идет «кнут»; нет, речь идет об одинаковых тенденциях *во всех странах*. И если тов. Криспин заявляет, что и партийные отношения теперь везде одинаковы, то этим он утверждает, что теперь во всех странах в порядке дня стоят те же проблемы, что и после 1848 года. Но после 1848 г. наступил большой, долгий период, в течение которого революция была невозможной; он думает, что такой же период наступает и ныне. Эта тенденция проходит через всю политику правого крыла партии независимых. История покажет, правы ли они (Возглас). Я убежден, что большое количество рабочих только потому еще не находится с нами, что вы рассказываете им о «московском кнуте». Нехватает только московских «казаков». Что ж! Может быть, придут еще и они. Я убежден, что эта часть рабочего класса еще не знает, что предварительным условием для их победы должно стать недоверие к вашей политике (Возглас: «Нет, к вашей!»).

В ваших докладах мы не находим ни слова о перспективах мировой революции. А, ведь, Интернационал хочет быть не чем иным, как передовым отрядом грядущей мировой революции (Оживленные одобрения). Нам был брошен упрек, что мы «романтики революции». Это заимствовано прямо из лексикона правых с.-д. Теперь те же упреки мы слышим от товарищей—правых независимых. Действительно ли надлежит нам вести всю политику рабочего класса в

том предположении, что мировой революции в ближайшем времени *не* будет? По моему мнению, у нас нет к тому никаких оснований. Я не хочу этим сказать, что на завтра или послезавтра нам обеспечена полная победа. Этого никто не решится утверждать, кроме шарлатана. Никогда мы от вас не требовали и никогда не обратимся ни к кому с требованием: сделайте завтра революцию! («Слушайте, слушайте!». Движение). Единственное, чего мы от вас требуем, и вы имеете право требовать того же от нас, это систематически проповедывать и подготовлять мировую революцию, все предпосылки которой уже налицо. Это не фразы романтиков революции. Воспитывать отсталые слои рабочего класса и крестьянства, говорить им, что пробил час мировой революции,—вот что необходимо (Оживленные одобрения).

Товарищи, я, понятно, не очень хорошо осведомлен о всех работах партии Независимых, о внутренних ее делах, об интимных вопросах и т. п. Но мы очень хорошо знакомы с пропагандой этой партии. Возьмите прессу—это главное средство вашей пропаганды. Я утверждаю: если вы посадите революционера любой страны в комнату с сотней номеров «Freiheit» и скажете ему: «Сиди здесь две недели, прочти все это и скажи, есть ли это орган, призывающий рабочий класс к революции», то всякий честный революционер ответит: «Нет, этот орган задерживает революцию» (Оживленные одобрения).

Товарищи, что сказал нам тов. Криспин о предпосылках? Что пишут теперь об этих предпосылках социализма? Не слышим ли мы ежедневно, что этих предпосылок еще нет налицо? Здесь, на партийном с'езде было сказано и повсюду заявляется: «Да, мы за социалистическую революцию, но еще не все предпосылки для нее налицо». Ну, так давайте исследовать, какие предпосылки уже имеются и каких еще

нет. Имеются ли уже налицо во всей Германии экономические предпосылки для социальной революции? (Возглас Криспина: «О, да!») Ну, ладно, экономические предпосылки, т.-е. самое главное, стало-быть, налицо. Однако, простите: Гильфердинг и Каутский всегда заявляют, что самое главное—это чтобы производство ни в коем случае не было нарушено (Возглас Гильфердинга: «Этого я никогда не заявлял»). Да, конечно—еще на с'езде заводских комитетов (Возглас Гильфердинга: «Нет, нет»). А Каутский заявлял то же самое в десятке брошюр. Вот он—ваш страх перед революцией (Возглас). Конечно, не страх в вульгарном смысле слова. Я вовсе не думаю, что кто-либо из вас испытывает страх лично,—я очень хорошо знаю, что в ваших рядах старые и смелые бойцы. Но вы полагаете, что с приходом революции придут разруха, голод, придет то, что теперь у нас, в России, и что так не понравилось тов. Дитману (Смех). Да, надо прямо сказать: возможно, что это так и будет, хотя мы питаем надежду, что у вас, в Германии, все обойдется гораздо легче. Вам уже не придется, как нам, бороться с целым миром (Возражение), а только с половиной его. Итак, я говорю: страх перед революцией—вот что проходит красной нитью через всю вашу политику (Ледебур: «Это неправда»). К сожалению, это—самая настоящая правда, и именно поэтому мы и не можем работать вместе.

Но, как сказано: главное в том, что экономические предпосылки уже налицо. Разве Каутский не писал тысячу раз: надо подождать с революцией, ибо как можно теперь организовать коммунизм? Не говорили ли тысячу раз ваши представители: «не социализм потребления, а социализм производства»? Нужно, де, сперва поднять производство. Но, товарищи: *какое* производство? На *какой основе* должно строиться производство? На социалистической или капиталистической? Неужели вы хотите сперва опять поставить капита-

лизм на ноги, чтобы затем его свергать? А это-то и есть коренное заблуждение всего международного реформизма. У многих оно проистекает из самых лучших намерений и желаний: они хотят избавить рабочий класс от голода, уберечь его от того ужасного кризиса, который постиг нас. Но вы делаете это так, что невольно снова восстановляете капитализм и отбрасываете рабочий класс на 10—20 лет назад.

Экономические предпосылки социализма налицо. Правда, все мы представляли себе приход социализма раньше совсем не так, как он пришел. В этом надо сознаться. Мы не думали, что получим от буржуазии такое наследие, когда все обливается кровью, голодает, все истощено войной, и рабочему классу приходится страшно терпеть. Все это мы представляли себе некогда совсем иначе. Прежде мы учились социализму только из книг. Нам казалось, что все обойдется легче. Мы знали о концентрации капитала, о развитии производительных сил. Все движется вперед; всюду электричество, прекрасные дома и т. д. Одним ударом думали мы сразить буржуазию и полагали, что все само попадет в наши руки. Тотчас же рабочим вздохнется легче, каждый почувствует, что все стало лучше. Так мы думали и в таком духе часто высказывались. В действительности, товарищи, случилось не так; история идет другими путями (Возглас). Некоторым из вас социализм кажется теперь даже неподходящим. Не писал ли тов. Гильфердинг (и справедливо) в «Финансовом капитале», что перед войной достаточно было бы экспроприировать десяток больших банков—и социализм был бы готов? Не высказывал ли Август Бебель сто раз то же самое? Не держались ли все того мнения, что все обойдется совсем легко? Война перечеркнула все эти рассчеты. Случилось иначе,—война ускорила социализм, может быть, на 20 лет, но она принесла его в мучительной форме, в такой форме,

что каждый рабочий должен, действительно, голодать, терпеть нужду, должен пройти долгий путь гражданской войны. Нам это тоже не нравится, это всем нам тяжело, но надо понять, что другого пути нет. И этого-то вы и не хотите понять. Говорят, что в России нет никакого коммунизма; что там есть социалистическая республика, но нет хлеба, угля, что там рабочим приходится мерзнуть и голодать. Да, товарищи! Но укажите нам иной путь, более легкий для рабочего класса,—и мы первые вступим на него («Совершенно верно!» Одобрения).

Экономические условия для пролетарской революции налицо,—это самое главное (Возглас: «Конечно»). Тогда не зачем называть нас «революционными романтиками». Когда Каутский был еще революционером, он писал перед войною: «Пролетарская революция уже не может быть теперь преждевременной». Но вот пришла война; кризис страшно обострился; гигантскими шагами двинулись мы навстречу социализму. И тот же самый Каутский, этот выразитель правого крыла независимых, говорит: «Вы хотите слишком рано сделать пролетарскую революцию». Значит, до войны это не было преждевременно, а теперь это преждевременно? (Возглас Ледебура: «Это, ведь, нас не касается»). Экономические условия—я повторяю это в десятый раз—экономические условия для пролетарской революции, значит, также и для коммунистической партии, налицо (Возглас). Разумеется, пролетарская революция не может быть совершена никакою другою партией, кроме коммунистической (Возражение). Я говорю при этом, конечно, не о какой либо исторически данной в настоящее время партии, в той или иной стране. Возможно, что коммунистическая партия еще слаба, еще только секта. Но в международном смысле, само собою разумеется, как это предвидел еще Маркс, пролетарская революция не может быть руководима никем, кроме

истинно-марксистской, коммунистической партии («Совершенно верно»).

Экономические условия налицо. А чего же недостает? Недостает правильной духовной ориентации в нашем собственном классе («Совершенно верно»). Почему же? Вовсе не случайно, а потому, что это—результат капиталистического развития («Совершенно справедливо»). Вспомните, какое воспитание мы получаем во всех странах со стороны буржуазии. Разве мы не видим, что пролетарские дети всех стран, в том числе и французской «демократической» республики, едва достигнув трех лет, обучаются уже петь патриотические песни? Разве не возвеличивают в школах Наполеона? Везде наш класс попирают ногами: при посредстве наших собственных представителей, частью при посредстве наших собственных людей, которых буржуазия развращает, которых она отрывает от нас, которых она подкупает; его топчут с помощью прессы, парламента, театра,—всего, что угодно. Было бы настоящим историческим чудом, если бы в этот решительный исторический момент порабощенный рабочий класс оказался сейчас же вполне готовым. Но это невозможно, и именно потому, что буржуазия отлично сумела поработить нас в течение десятилетий, притом поработить духовно. Буржуазия не может долго держаться одна и при помощи одной голой силы, ей надо было проникнуть в наши ряды с помощью вот этой самой духовной смуты; буржуазии, к несчастью, удалось достигнуть даже того, что иногда наши лучшие борцы погибают от руки сыновей своего же класса. Духовно ориентировать миллионы рабочего класса всего света, ориентировать так, чтобы они не поддавались более буржуазному влиянию, чтобы они и в духовном отношении стояли на собственных ногах и чтобы никакое буржуазное влияние не проникало к нам ни через окно, ни через дверь—вот в чем наша задача! Суть дела в том, чтобы мы

действительно организовались в класс, чтобы мы действительно стали духовно крепкими; наши теперешние битвы и идут за то, чтобы воспитать такое духовное единство (Возглас: «Но только не через Союз Спартака»). Итак, мы говорим: экономические условия для социалистической революции налицо, но партийные и профессиональные отношения в некоторых странах таковы, что наши же собственные организации наносят нам удары в спину как Турати в Италии, как швед Брантинг. Это же имеет место и в Италии, и Германии, и повсюду.

Позвольте мне небольшое отступление. В резолюции, которую вы предложили, говорится об Интернационале профессиональных союзов. Дважды указываете вы в ней, что этого Интернационала не надо разрушать — Боже сохрани! В этой резолюции даже сказано, что требование разрушения Интернационала профессиональных союзов делает невозможным существование самого Коммунистического Интернационала; что требование разрушения Интернационала профессиональных союзов ведет к уничтожению всего пролетарского освободительного движения (Справа: «Совершенно верно»). Ну, так давайте же рассмотрим, совершенно ли это верно, или невполне или даже просто неверно? (Смех.)

Что такое теперь Интернационал профессиональных союзов? — Это — осколок развалившегося II Интернационала (Слева: «Совершенно верно»). Интернационал профессиональных союзов в Амстердаме — это II Интернационал (Возглас Диттмана: «Хорошее же пугало вы нам выставляете!»). Я утверждаю, что амстердамский Интернационал профессиональных союзов представляет собою в настоящий момент единственный оплот международной буржуазии (Слева: «Совершенно верно»).

Товарищи, буржуазия теперь не может бороться с нами и победить нас, потому что рабочие уже проснулись. Она может кое-чего достигнуть в борьбе

с нами лишь в том случае, если она найдет поддержку в какой либо части самих рабочих масс. В политическом отношении II Интернационал развалился, но в профессиональном он еще существует. Политически, он — нуль, труп. Но, так называемый, Интернационал *профессиональных союзов*, к сожалению, еще представляет собою нечто, а именно: оплот международной буржуазии (Возглас справа: «Вздор»). Кто вожди этого, так называемого, Интернационала? — Это Легин (Возглас: «Нет»). Это Жуо. И всему свету известно, что этот Легин — агент капитала, что этот Жуо — агент французского капитала (Возгласы. Волнение). Дело не в личностях. Дело в политике, товарищи и вы, рабочие, сидящие на правой стороне. Профессиональный Интернационал это — веревка на нашей шее и на шее рабочего класса (Бурные одобрения слева. Крики справа: «Вздор». Большое волнение), да и на вашей (Возглас слева: «Конечно»). Да, также и на вашей шее. Разве вы не видели достаточно примеров этому? Теперь, как для Легина, это происходит уже в международном масштабе, ибо международная буржуазия не может просто обратиться к вам и сказать: Остерегайтесь революции! Вы, конечно, не дадите никакой веры ее словам. А, так называемый, профессиональный Интернационал может обратиться к вам с этим. Здесь часто говорилось: вы хотите отделиться от нас, от ваших братьев по классу (Возглас справа: «Да, вы этого хотите»). Да, мы этого хотим, потому, что *вы* не хотите порвать с изменниками из профессионального Интернационала («Справедливо! Совершенно верно!» Бурные одобрения). Да, товарищи, мы говорим себе, — и вы сами согласились с этим, — что главная задача наших дней и нашей эпохи, нашего исторического момента заключается в том, чтобы духовно правильно ориентировать наш класс (Возглас справа: «Мы делаем это каждый день!»).

Это единственное предварительное условие для победы пролетарской революции. Но можно ли это делать в Интернационале профессиональных союзов, руководимом желтыми агентами международного капитала, людьми, которые имеют приют в жилетном кармане лондонской и парижской биржи? (Возгласы справа. Свист. Возгласы слева: «Стыдитесь»). Если вы отвечаете на это свистом, то поступаете так по незнанию. Изо дня в день вы можете наблюдать, что, *так называемый, Интернационал профессиональных союзов есть оружие международной буржуазии,* притом самое острое, самое опасное и, я бы прибавил: единственно действительное оружие, которое ныне находится в руках буржуазии против нас (Живейшие одобрения слева. Возглас справа: «Вздор»). Все эти «бюргерверы», эти «оргеши» в Германии, эти белогвардейцы это,—конечно, не особенно приятные для нас люди, но я должен сказать, что они нам гораздо менее опасны, чем вожди столь любезного вам, так называемого, Интернационала профессиональных союзов («Браво!» Бурные одобрения слева. Сильное волнение). Да, товарищи, это вызвало такой взрыв потому, что было *правдой* (Сильный шум. Крики «браво!». Рукоплескания слева. Неудовольствие справа. Возглас справа: «Клевета». Сильное волнение).

Когда началась война, и II Интернационал постепенно распался; когда мы заявили, что II Интернационал обанкротился, что он изменил рабочему классу,—среди всего рабочего класса проявилось гораздо больше неудовольствия, чем сейчас здесь. Я вспоминаю, что швейцарский товарищ Гримм не хотел тогда печатать в своей газете воззвания нашей партии, ибо в нем говорилось, что II Интернационал постыдно распался и предал рабочий класс. Тогда буря негодования была гораздо сильнее, чем теперь. Но ответим же откровенно: разве II Интернационал не предал рабочий класс и не раз-

валился постыдно? Если мы бросаем эти упреки вождям, то, разумеется, не в личном смысле. Я их не знаю. Возможно, что лично они отличные и честные люди, но это ничего не изменяет в том факте, что амстердамский Интернационал профессиональных союзов есть часть II Интернационала. Неужели же, в самом деле, вы думаете, что этот отпрыск II Интернационала представляет собою как раз наилучшую его часть? Нет, товарищи, это—худшая, это—самая скверненйшая часть II Интернационала. И вы еще сердитесь, когда я говорю, что она контр-революционна!

Товарищи, мне хотелось бы добавить еще одно.

Это, собственно, ново, что вы так усердно защищаете Амстердамский Интернационал. В Москве ни Криспин, ни Дитман не ставили так вопроса. Я не могу припомнить ни одной речи, в которой названные товарищи высказывались бы в этом смысле: как раз наоборот. Я помню очень хорошо,—не знаю только, не было ли это в частной беседе,—я сказал товарищу Криспину, что теперь в области профессионального движения должен состояться Циммервальд, предварительно только Циммервальд, т.-е. об'единение всех тех элементов, которые против «социалистов». У нас в Циммервальде еще не было сложившейся группы, это было только начало об'единения всех пролетарских элементов. Теперь то же самое готовится на профессиональной почве. Возможно, что теперь дело пойдет быстрее,—я, по крайней мере, хочу надеяться. Это уж не будет длиться два года; но, во всяком случае, у нас должен быть Циммервальд, профессиональный Циммервальд, как пункт кристаллизации против желтых,—и с этим согласились товарищи Криспин и Дитман (Возражения и возгласы справа: «Это было совсем иначе»). Вы еще не знаете, и я должен вам сказать, что Руш и другие деятели профессионального движения, находящиеся теперь в России, стоят даже за то, чтобы этот

кристаллизационный пункт создать в Москве. Может быть, этого не будет («Наверное!»),—может быть большинство профессиональных «вождей» настроено в настоящее время против этого. Однако, товарищи, вы не должны принимать за оскорбление величества, когда я говорю: этот пережиток II Интернационала является препятствием к пролетарской революции. Мы не в состоянии будем об'единить духовно наш пролетарский класс, если будем поддерживать амстердамский Интернационал, где господствуют Легины, Жуо, Эпплътоны и др. (Возражения и возгласы справа). Этим я заканчиваю свои раз'яснения по настоящему пункту.

Я убежден, что уже через год или даже через полгода половина тех товарищей, которые теперь считают мои слова оскорблением величества, скажет то же самое (Сильные возражения справа), а именно: скажет, что амстердамский Интернационал является не орудием пролетарской революции, а препятствием к ней. Если вы спорите, то это только показывает, как обстоит дело с духовной ориентацией, которая должна служить предварительным условием для пролетарской революции.

С'езд в Галле, который будет иметь громадное интернациональное значение, должен обратить свое внимание также и на положение в других странах. Зачем мы будем пессимистами? Зачем мы будем отодвигать вдаль всемирную революцию? Смотрите на положение, как оно есть в действительности! Разве вы не замечаете, что в Италии несколько недель тому назад уже положено начало революции, и притом пролетарской революции? И она победит там, если не сегодня, так завтра! Обратите в особенности внимание на то, чему можно научиться из развития движения в Англии, и разрешите мне остановиться на этом несколько подробнее.

Мы все следили с громадным интересом за обра-

зованием Совета Действия (Council of Action) английских рабочих. Его еще достаточно не оценили. Когда стала грозить опасность войны, поднялся весь английский рабочий класс, тот английский рабочий класс, который до сих пор, к сожалению, не был политическим фактором. Впервые за все время новой истории человечества английский рабочий класс выступил перед нами в качестве революционного фактора, по крайней мере, в качестве его зачатка. Английский рабочий класс не был до сих пор революционным фактором, — это вовсе не оскорбление ему, а простое констатирование факта, и каждый английский революционер подтвердит это. Но образование Совета Действия явилось началом. Оно стало началом Советской власти, началом второго правительства, рядом действующего правительства, и потому английская буржуазия так раздражена. Она говорит: у нас, в Англии, есть парламент, а тут рядом появляется какой-то Совет, который вмешивается во внешнюю политику и разыгрывает роль правительства. Действительно, товарищи, Совет в Англии является зачатком нового параллельного правительства; в Англии как и в начале русской революции, теперь, в ходу выражение: «двойное правительство». В начале русской революции также существовало двойное правительство, одно — правительство буржуазии вместе с меньшевиками и другое в лице Петроградского Совета, а позднее Всероссийского Совета. Но, ведь, это означает, товарищи, столкновение с буржуазией, если не сегодня, так завтра, годом раньше или годом позже. Двойное правительство во всяком случае знаменует собою крах буржуазии. И это слово уже появилось в Англии. Внутри английского рабочего класса происходят перемены всемирно исторического значения. Кто стоял во главе этого движения? Известные английские реформисты. (Возражения). Вы не можете этого оспаривать, товарищи: да,

это были английские реформисты. Вследствие этого, движение опять ослабело, однако, с об'ективной точки зрения, значение движения от этого нисколько не уменьшилось. И, во всех странах в течение известного времени дело идет именно так.

Английские меньшевики должны были вызвать большевитское движение. Вот каково об'ективное положение вещей. (Одобрения слева). И, товарищи, к этому дело идет также в Германии. В одной резолюции вы говорите: как в прошлом, так и в будущем, мы будем поддерживать пролетарскую солидарность (Возглас: «Само собой разумеется!»). Итак, это «само собой разумеется»; покорно вас благодарю (Смех слева, возгласы справа: «Вы насмехаетесь над нами»). Я сказал вполне искренно. Подобно тому, как помощь английских вождей, само собой разумеется, была для нас очень кстати, так и вашу помощь мы будем приветствовать и с благодарностью примем, откуда бы она ни исходила. Хотя люди, которые, мягко выражаясь, дышали все время меньшевистским воздухом, но, все же, они должны, при нынешних обстоятельствах, помогать большевизму. Почему это происходит? Это происходит потому, что моральное право на стороне нашей тактики и наших взглядов. (Одобрения слева). Они не могут поступать иначе пред лицом своего рабочего класса. Мы переживаем теперь эпоху, которая потом будет считаться лишь эпизодом,—эпоху, в течение которой часть меньшевистских вождей вынуждена была об'ективно, в международном масштабе, помогать большевикам и движению их революции. Почему? Потому, что рабочий класс, этот гигант, проснулся и требует пролетарской солидарности с единственным пролетарским государством. Мы возлагаем величайшие надежды и на рабочий класс тех стран, где меньшевики пока еще стоят во главе движения.

В Англии, естественно, во главе стоят тоже

меньшевики, лучший из вождей, Макдональд—меньшевик. Он находится теперь в Грузии и, когда наслушался там, как ругают большевиков, то заявил, что он сам готов стать теперь большевиком. Конечно, это было лишь шуткой. Однако, даже лучшие из Гендерсонов являются только меньшевиками, но они вынуждены, и чем дальше, тем все больше, поддерживать нашу большевистскую тактику. А почему? Если они не будут этого делать, то в 24 часа они окажутся конченными для рабочего класса (Одобрения слева). Поэтому-то мы и возлагаем величайшие надежды на революционное движение в различных государствах, в Италии так же, как и в классической стране крупнейшего капитализма, Англии, где уже заметны судороги новой эпохи, где уже ясно видно начало пролетарской революции. Я убежден, что через два или три года все вы скажете: да, это было началом новой эпохи. Итак, пролетарская революция имеет большие шансы даже в цитадели интернациональной буржуазии, в Англии, а вместе с тем и во всех других европейских странах. Возьмем такую страну, как Австрия. Вполне возможно, что завтра вы проснетесь и прочтете в газетах, что там образовалось Советское правительство. Если дело идет к этому, то нечего удивляться, что является чем-то само собою разумеющимся. Возьмите Балканы. В Болгарии легальным путем мы приобрели чуть не большинство за большевизм, в Юго-Славии тоже самое. Таким образом, Балканы представляют вполне созревшую почву для пролетарской революции (Возгласы справа: «Фантазия»). Товарищи, к счастью, это не фантазия. В некоторых государствах коммунистическая партия, действительно, получила большинство легальным путем. В Венгрии реакция также не будет вечно хозяйничать, и позвольте мне выразить надежду, что и в Германии революция не умерла, что здесь также близится день битвы и решения. (Одобрения). Поэтому нам нужен

такой Интернационал и мы должны следовать такой тактике, которые рассчитаны на интернациональную мировую революцию, а этого, к сожалению, как раз абсолютно нет в вашей тактике. Об этом не бывает никогда ни слова в ваших докладах, и вовсе нельзя сказать, что бы вы забывали по оплошности или случайно. Это так же мало является случайностью, как и то большинство, которое имеется на этом с'езде. (Слева: «Очень хорошо!» Громкий смех). Итак, товарищи, если мы хотим иметь действительно плодотворный обмен мнений по этому предмету,— а мы должны его иметь, и он свое значение получит и после этого с'езда,—то мы должны сначала дать прямой ответ на этот вопрос. Нет, конечно, преступления, если вы держитесь убеждения, что в настоящий момент мировая революция невозможна, но это нужно открыто и честно сказать. К сожалению, предпосылка вашей тактики в том и заключается чтобы об этом молчать (Резкие возражения, возгласы справа: «Вздор!»).

Теперь, товарищи, я хотел бы говорить по второму чрезвычайно важному вопросу, а именно, по *вопросу о демократии.*

Вы должны нам прямо сказать, какую позицию занимаете в этом вопросе. Здесь мы до сих пор еще не получили ответа. Вопрос о демократии все время обходили. Диттман сказал: мы удержим название Независимой Социал-Демократии (Возглас Диттмана: «Этого я вовсе не говорил»), ибо демократия будет существовать и после диктатуры. Конечно, диктатура, это — переходное явление. Но до сих пор всему Интернационалу было известно, что независимая социал-демократическая партия, по крайней мере, руководящая ею правая часть, стоит на платформе демократии. Так было до сих пор (Возражения и возгласы справа: «Нет, нет, подтасовка!»). Все брошюры Каутского говорят об этом! А

Каутский является вождем и теоретиком U. S. P. (Возражения и возгласы: «Неправда»). Во всяком случае, он член U. S. P. Сегодня вы кричите: неправда, но завтра, товарищи, вы должны будете сделать все выводы, и тогда весь мир увидит, что духовным вождем правой части U. S. P. продолжает оставаться Каутский. Повторяю, в этом вопросе вы должны выявить свой цвет и должны сказать об этом рабочему классу ясно и определенно (Возглас: «Это мы и делаем»). Вы сами же сказали, что влияние Каутского у вас равно нулю (Возглас: «Неслыханно!»). Вот это и есть те решающие вопросы, которые нас разделяют.

Я хотел бы еще прибавить несколько слов по вопросу о *диктатуре пролетариата*. Признание ее на словах мы слышим часто. Разве не Криспин сказал в Москве, возражая Ленину: «Да, разве диктатура пролетариата является чем-то новым? О ней, ведь, сказано уже в Эрфуртской программе». Товарищи, какое умонастроение выдал Криспин этими словами? Эрфуртская программа не говорит о диктатуре пролетариата в нынешнем смысле слова. Разве партия Шейдемана не стоит за Эрфуртскую программу? За диктатуру пролетариата в этом смысле стоят, конечно, все меньшевики. Сейчас речь идет уже о воплощенной диктатуре пролетариата, о той ее форме, которой мы не высосали из пальца, но которая является исторической формой диктатуры пролетариата, той диктатуры, которую интернациональный прелетариат сам создал, т.-е. о системе Советов. Если германскому рабочему классу удастся создать другую форму, мы с радостью будем приветствовать ее, ибо мы постоянно говорили что не все будет совершаться так, как в России, и что рабочие других стран сделают многое, вероятно, лучше, чем мы. Но до сего времени Советское правительство является исторически данной формой диктатуры пролетариата. Советы—вот то слово, ко-

торое теперь у рабочих всего мира всегда на устах, которое глубоко запечатлено в их сердцах. Вопрос идет теперь не о том, чтобы вы сказали: в Эрфуртской программе это уже предусмотрено, а о том, чтобы вы нам сказали, можно ли вас считать сторонниками диктатуры пролетариата в том виде, в каком ее уже проводил в жизнь рабочий класс Германии во время январьских дней, или осуществлял рабочий класс Венгрии?

Мое впечатление и впечатление представителей тех партий, которые уже присоединились к III Интернационалу, таково: у нас с вами идут разногласия по трем основным вопросам: главным образом по вопросу: *мировая революция или нет?* должна ли вся тактика быть расчитанной на то, — затем, как мы относимся к вопросу о демократии и, наконец, о диктатуре пролетариата. Вот три главных вопроса, над которыми мы, если можно так выразится, в кровь разбиваем себе головы. Здесь говорилось: в Москве сначала были очень любезны, однако, потом стали построже и сделали условия приема более суровыми. Это стараются об'яснить мелкими мотивами. Но решение загадки, которую в данном случае усматривают, очень простое. Мы также хотели понять друг друга, и у нас происходил очень основательный обмен мнений. Чем больше, однако, мы говорили об этих вопросах, тем сильнее чувствовали, что именно в этих роковых вопросах пролетарской революции у нас и нет единства с представителями правой U. S. P. Это и было единственной причиной, а вопросы личного характера не играли никакой роли. Что мы можем иметь лично против Диттмана и Криспина, и что они могут иметь лично против нас? Мы совершенно не знали их до того времени. Нет, здесь дело идет о чисто принципиальных вопросах; мы взвесили взаимно друг друга и нашли слишком легковесными. Кажется, что параллельно с этим произошел еще и другой процесс

развития, а именно: Криспин и Дитман пришли к убеждению, что мы являемся революционными романтиками, они решили, что они нас также взвесили и также нашли слишком легковесными. Пусть будет, что будет. Однако, мы должны подчеркнуть и настаивать, что дело идет исключительно об указанных трех основных вопросах, а не о чем либо личном. Итак, товарищи, до тех пор, пока мы не приведем в ясность этих вопросов, мы не сможем понять друг друга. В виду этого, в России все члены Исполкома очень сожалели, что у вас прения спустились до такого уровня (Возглас справа). Я не намерен доискиваться, кто в этом виноват. Партейтаг вновь это исправил. У нас нет никакого основания сожалеть, что дебаты приняли здесь столь внушительный и широкий размах. Это принесет большую пользу рабочему классу как в Германии, так и во всем мире.

До сих пор касались только организационной стороны условий. Это также представляет большую важность, об этом мы также будем еще говорить. Однако гораздо важнее основные положения, основные вопросы. Нас разделяет не то, что вы согласны признать не 21, а только 18 условий. Но если разрыв между нами произойдет, то из-за того, что вы не согласны с нами в вопросе о мировой революции, о демократии и о диктатуре пролетариата. Это надо прямо сказать. Только при таком условии можно будет понять все, что здесь уже высказывалось и еще будет высказано. Криспин сказал вчера: «Мы заявили в Москве, что хотим прийти к соглашению по вопросу об условиях, и тогда мы готовы пропагандировать в Германии ваши идеи». А здесь, не заикнувшись, говорят, что нужно вести принципиальную борьбу против большевизма, что мы являемся революционными романтиками. И в то же время повторяют: вот если бы было 18 условий, а не 21, в таком случае мы пришли бы к соглашению.

И тоже самое надо сказать Диттману в ответ на мрачные тона, в которых он изображает все в России. Если у нас ежедневно совершается столько преступлений, если мы ежедневно расстреливаем по 500 стариков и по 500 женщин, словом, если уж мы такие тяжкие преступники, то он должен был бы просто заявить, что с подобными людьми *принципиально* недопустимо находиться в одной организации. (Одобрения). И в таком случае, товарищи, не следовало бы ему нас и приветствовать, как он это постоянно делает. В самом деле, зачем приветствовать преступников? (Возглас: «Совершенно верно!»). Товарищи, мы это же сказали нашим меньшевикам, с которыми теперь разговариваем совсем иначе, чем прежде, гораздо хладнокровнее, ибо разрыв уже состоялся. Они писали целые брошюры о том, что такой-то и такой-то ограбили кассу; такой-то и такой-то — преступники, что такие-то добиваются диктатуры над пролетариатом, а в заключение постоянно говорили: поэтому мы будем поддерживать единство с вами (Смех). А мы им отвечаем: если мы такие преступники, если мы обворовываем кассы, в таком случае вам не следует добиваться единства с нами, а, наоборот, надо бороться до ножей. И то же самое, товарищи, происходит теперь на международной почве, в международном масштабе. Мы говорим: или — или. В одной социал-демократической газете мы прочли: Бухарин и я, угнетатели русского рабочего класса, выехали в Германию; мы угнетали русский рабочий класс, были деспотами и для той же цели приехали и в Германию. На это я заявляю: согласны ли вы с тем, что мы действительно диктаторствуем над пролетариатом и что мы деспоты? В таком случае, товарищи, вам не отчитаться перед своей совестью в приглашении нас сюда и в стремлении добиться единства с нами, будь то под *одним* условием, или под двумя, или даже под половиной условия.

Почему создается такое конфузное положение? Потому что вы в самых решающих, принципиальных вопросах еще не заняли ясной позиции. У вас имеется слишком много разных оттенков в самом руководстве партией, у руководящих лиц. Некоторые из последних стоят за реформизм и вовсе не думают о пролетарской диктатуре (Возглас: «Совершенно верно»). Во всех трех решающих вопросах они против нас (Возглас: «Совершенно верно». Возражения). Поэтому мы и говорим вам перед всем с'ездом, перед рабочими всего мира. Нам и в голову не приходит, как вы нам то приписываете, попросту нажимать кнопку в Москве, чтобы заставлять здесь рабочих плясать под нашу дудку, ибо мы же, все таки, не столь... глупы; мы очень хорошо понимаем, что ежели бы рабочий класс не хотел революции, то можно было бы тысячу раз нажимать кнопку, а он, все же ее, не сделал бы (Движение). Ведь ясно, что вопрос о присоединении к III Интернационалу подлежит вашему партийному съезду; он будет решен не приказом из Москвы, а здесь, в Галле, представителями части германского рабочего класса (Шумные одобрения). Потому-то вы и представляете из себя столь пеструю массу, что у вас не для всех еще достаточно ясны понятия демократии, диктатуры и мировой революции. Я не был лично знаком почти ни с кем из присутствующих на съезде товарищей; кое с кем, может быть, мне и приходилось встречаться. Однако, должно случиться так, как я уже сказал, ибо это — закон. Часть находящихся в ваших рядах рабочих, все же, придет к Интернационалу, как это было и с нашими меньшевиками. Доказательством может служить то, что лучшие элементы меньшевиков, как например, Хинчук, Булкин и много других вождей рабочих-меньшевиков, стали ныне членами нашей партии. Потому-то два года тому назад мы совершенно спокойно сказали нашим меньшевикам: «Вы подписались под

резолюциями, направленными против нас. А мы вам говорим: Товарищи, рабочие, мы ведем с вами яростную борьбу, но мы вам заявляем: вы, все таки, рабочие, хотя и реформисты: пройдет, полгода или год, и вы придете к коммунизму». Так было у нас, так будет и у вас. Потому-то мы и берем на себя ответственность перед рабочим классом всего мира; мы бросаем на чашку весов значенис Третьяго Интернационала, и говорим от его имени: «Мы стоим на этом, мы не можем занять другой позиции в вопросе о мировой революции и в вопросе о диктатуре пролетариата». Я верю, что рабочий класс всего мира уже сделал свой выбор в вопросе о демократии, диктатуре пролетариата и Третьем Интернационале. Поэтому нет больше препятствий—надо принять решение.

Товарищи, позвольте мне коснуться также других принципиальных вопросов, затронутых тов. Криспином, ибо я не могу обойти их молчанием. В своем докладе он говорил не об одних только организационных вопросах. Он затронул три принципиальных вопроса, однако, на мой взгляд, не самых важных. Первый вопрос — аграрный, второй — национальный, третий—о терроре (Возглас Криспина: «И Советская система»). Да, и Советская система. Это четыре принципиальных вопроса, и тут-то мы и должны разобраться, кто из нас прав. Прежде всего *аграрный вопрос.*

Тов. Криспин заявил, что аграрная программа, выставленная III Интернационалом в Москве, могла бы только укрепить контр-революцию в Германии, а не помочь пролетарской революции. Раньше всего мы должны, однако, иметь в виду, что аграрная программа мыслилась для всего Интернационала, а не для одной Германии. Это очень важный момент. Во-вторых мы должны само собою разумеется, проверить, так как мы находимся в германском собрании, обстоит ли вопрос для самой Германии так, как это утверждает тов. Кри-

спин. Я не знаю отношений в Германии так хорошо, как тов. Криспин и другие германские товарищи, которые участвуют в движении десятки лет, но я утверждаю следующее.

Товарищи, возьмите для примера Венгрию, которая для нас полна интереса во всех отношениях, так как и вы представляете соединение разнородных элементов в одной партии. Венгерские коммунисты пытались об'единиться в решительный момент с элементами центра. Мы тоже несем вину за это. Мы не возражали против этого; мы полагали, что, быть может, так дело пойдет лучше, чем у нас, без жестокой борьбы. Однако, история в Венгрии показала, что смешение элементов приносит много вреда рабочему классу. За это об'единение заплачено очень дорогою ценой.

Однако, я возвращаюсь к аграрному вопросу. К сожалению, наши венгерские товарищи действовали так же доктринерски, как предлагают некоторые из германских товарищей. Они также ничего не хотели дать среднему крестьянству, дабы сохранить крупное землевладение, социализировать его и получить крупное производство. И вот, товарищи, это и было ошибкой, которую теперь тов. Бела Кун признал официально, так же, как Варга и все руководящие умы Венгерской Коммунистической партии. Почему это было ошибкой? Представьте себе действительные отношения конкретно. В Венгрии рабочий класс образует собою лишь тонкий слой, решающее значение принадлежит крестьянству («Совершенно верно!»). Наступила там революция, проходят недели, проходят месяцы, а крестьянство Венгрии даже не ощущает, чтобы что-либо переменилось. В деревне все осталось по-старому. Во главе стоит Бела Кун, существует пролетарское правительство, а крестьянин земли не получил. Это и было, товарищи, роковой ошибкой, и потому именно средний слой крестьянства и остался равнодушным и глухим к пролетарской революции. Теперь возьмите

другую страну. Товарищ Криспин назвал Италию. Он сказал, что тов. Серрати воздержался от голосования. Это верно. Но, товарищи, чью правоту подтвердили факты в Италии: Коммунистического Интернационала или тов. Серрати? Я думаю, Серрати теперь сам увидел это. Вы знаете, что происходит теперь в Италии: среднее и мелкое крестьянство просто принялось захватывать землю. Разве оно этого не сделало? (Возглас: «Но разве это социалистично?»). И есть ли это контр-революция? Нет, товарищи, это частичное явление революции (Возглас: «Совершенно верно!»). Так будет, и в Германии, mutatis mutandis. Я спрашиваю тов. Криспина: как может победить в Германии диктатура без крестьянских советов? Вы должны будете прийти еще к созданию не только рабочих и солдатских советов, но и крестьянских. Не правда ли, тов. Криспин? (Криспин: «Нет».). До сих пор мы были того мнения, что без крестьянских советов дело не пойдет даже в такой стране, как Германия (Возглас: «Совершенно верно!») Само собою разумеется, что в первую голову мы должны будем обратиться к сельским рабочим и там занять твердое положение. Но мы должны будем стремиться занять его также и среди крестьянства, хотя, конечно, самое решение находится в руках городского пролетариата. Если это правильно в отношении к такой молодой стране, как Россия, то тем более верно в отнотении Германии. Как бы то ни было, но без организации мелкого крестьянства пролетарская революция не может выйти победоносной. И, товарищи, вы сделаете роковую ошибку, если не вовлечете в революцию крестьянства; я должен прямо сказать, что в таком случае вы подготовите у себя контр-революцию (Возглас: «Совершенно верно!» Большой шум). Тогда вы приготовите для контр-революции ту почву, на которой она навербует свои армии против рабочего класса (Возглас: «Совершенно верно!»)

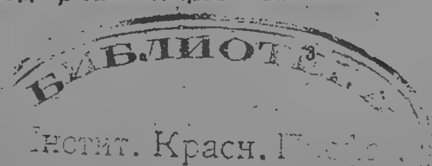
Товарищи, разрешите мне сослаться на воспоминание из нашей борьбы с меньшевиками. Вопрос шел о том же. Мы говорили в начале революции 1905 года: «Вся наша ориентация должна итти так, чтобы рядом с рабочим классом повести против буржуазии также и революционную часть крестьянства». Но меньшевики об'явили это «немарксистским», они отклонили союз с крестьянством против буржуазии, предпочитали создать «обще-национальную оппозицию» вместе с либеральной буржуазией. Теперь ту же мысль, ту же политическую, тенденцию, хотя и при других условиях, мы находим и у правых независимых.

Мы должны сказать деревне и мелким крестьянам: когда наступит пролетарская революция, вы ничего не потеряете, но многое получите, мы простим вам ваши долги, дадим вам крестьянские советы. Если завтра победит революция, наши враги на всех собраниях будут твердить крестьянам: почему существуют только рабочие советы, почему нет крестьянских советов? Откуда же проистекает ошибка тов. Криспина? Да просто из того, что перспективу пролетарской революции он не берет серьезно. Поэтому он и думает: крестьяне к нам не принадлежат, так как они не социалисты. Товарищи, вам придется иметь много дела с крестьянами. Мы это пережили в России и в других странах. Главный враг не крестьянин, главный враг—буржуазия. Мы должны видеть, какие уроки надо уметь извлекать из событий. Когда наступает революция, мы должны стремиться нейтрализировать и обратить на свою сторону мелкое и среднее крестьянство. Да, товарищи, очень печально, когда крестьяне грабят имения; это не хорошо, надо запрещать. Однако, все же, лучше, чем если контрреволюция набирает себе рекрут из крестьян против рабочего класса (Возглас: «Совершенно верно!»). А иначе мы никогда не победим, иначе пролетарская революция не победит.

В наших тезисах по аграрному вопросу мы были достаточно осторожны — не по соображениям мелкой дипломатии, как нас пытались заподозрить в этом,—а потому, что в комиссии мы выслушали мнения товарищей и признали необходимым считаться с разнообразием социальных структур в других странах, в том числе и в вашей. И мы пришли к заключению: возможны положения, при которых необходимо известную часть латифундий и крупных земельных владений разделить между малоземельными крестьянами. В такой формулировке это было абсолютно допустимо (Возглас Криспина: «Но, ведь, это регресс в производстве, это назад, к средневековью!»).

Позвольте мне теперь перейти ко второму вопросу (Возглас Криспина: «Это шаг назад к средневековью!»). Да, товарищи, это шаг назад к средневековью — так вы говорите. Если по прошествии пяти или десяти лет мы все еще не будем иметь в деревне настоящего социализма, то с этим еще можно мириться; но если мы возвратимся к капитализму, то это уже настоящий шаг назад к средневековью (Движение, шум). Разумеется, потребуется еще целое столетие, пока коммунизм получит полное практическое осуществление, но в настоящее время главнейший вопрос для всех стран, кроме России, заключается в том, чтобы не поддерживать буржуазию, ибо она наш враг, и в этом отношении мелкое крестьянство надо непременно иметь на своей стороне. Поэтому я и усматриваю во всех возражениях доказательство того, что еще недостаточно серьезно думают о мировой революции, что возвращаются к старой Эрфуртской истории и полагают, что у крестьянина не социалистический череп, что он не с нами, что он—на стороне наших противников, что он—наш враг. Товарищи, вы будете еще переживать это совсем по иному, чем мы переживали с меньшевиками в России. Как раз перед революцией мень-

шевики разыгрывали роль чисто пролетарской партии; они говорили, что представляют интересы пролетариата и не хотят делать уступок крестьянству. Теперь все сложилось иначе как раз там, где действует настоящая пролетарская диктатура, где мы можем и должны заставлять богатых крестьян давать хлеб рабочему. Теперь нам стали говорить: зачем вы притесняете крестьян? Итак, товарищи, то—так, то—наоборот! И то же самое будет и у вас. Теперь выставляют себя чистой пролетарской партией, чтобы отодвинуть перспективу пролетарской диктатуры. А придут другие времена, тогда вам скажут: зачем вы применяете против крестьян такие меры? А мы всегда будем твердить: носитель пролетарской революции есть городской и сельский пролетариат. Чего можно достигнуть в первой стадии революции, то надо брать; мы должны нейтрализовать часть крестьянства и убедить ее: вам будет лучше под советской республикой («Вполне правильно!»).

Перехожу к *национальному вопросу*. Прежде всего, маленькое анекдотическое отступление. Я должен вам сказать, что с историей Энвер-паши товарищ Криспин так попался, как едва ли кто-нибудь попадался. Сейчас вы это сами услышите. Вообще, с национальным вопросом творится что-то неслыханное. С этим пугалом Энвер-паши приходят на собрания не только в Германии, но и в Швейцарии. Я только-что получил письмо от одного швейцарского товарища, Розы Блох, в котором она пишет: «Товарищ, скажите, неужели Энвер-паша ваш союзник? Нет, скажите, да неужели же ужасный Энвер-паша ваш союзник?» У меня есть еще листовка из Франкфурта, подписанная Гютлером и Колем, в которой черным по белому написано: Энвер-паша состоит действительным членом III Интернационала, а мужественному борцу Ледебуру отка-

зано в приеме. Позвольте же мне теперь сообщить вам, как в действительности обстоит дело (Возгласы. Шум).

Энвер-паша присутствовал на бакинском Конгрессе. Он не был делегатом. Он просил нас о предоставлении ему слова для заявления. Мы не дали ему этого слова («Слушайте! Слушайте!»). Тогда он попросил нас принять от него письменное заявление. (Протокол Конгресса я привез с собой, он скоро появится в Германии в виде особой книги, вы сможете ознакомиться с ним). В слове ему было отказано именно по моей инициативе, как председателя Конгресса. Тогда он попросил нас, по крайней мере, прочесть его заявление. На это мы согласились. Заявление гласит следующее:

«Товарищи, я выражаю благодарность от себя и от имени товарищей III Интернационалу и его президиуму, который дал возможность нам, воюющим против всемирного империализма и капитализма собраться сегодня в Баку.

«Товарищи, мы считаем себя счастливыми, что, в противоположность империализму и капитализму, которому недостаточно ограбить и раздеть нас до нага, но который старается пить нашу кровь и уничтожить нас, и в противоположность лживым европейским политикам, мы сегодня стоим бок о бок с союзником, верным и правдивым,—с III Интернационалом.

«Товарищи, когда Турция вступила в войну, мир разделен был на два лагеря. В одном была империалистическая и капиталистическая, старая царская Россия и ее союзники, в другом такая же Германия и ее союзники. Из этих двух групп мы, борясь против стремящихся нас совсем задушить и уничтожить—царской России, Англии и их друзей, воевали на стороне Германии, согласившейся подарить нам, по крайней мере, жизнь.

«Нас использовали германские империалисты для

своих разбойничьих целей. Но наше желание было только сохранить свою независимость.

«Товарищи, чувство, которое унесло нас из спокойной беженской жизни в знойные пустыни Триполиса и под бедные шатры бедуинов и заставило провести с ними самую тяжелую часть нашей жизни, не было чувством империализма. Мы старались спасти Триполис для триполитанцев и радуемся теперь тому, что после девятилетней борьбы им удалось прогнать италианских империалистов. По отношению к Азербейджану у нас также не было другого намерения. Мы считаем, что Азербейджан принадлежит азербейджанцам. Если мы попадали в ложное положение, то это была наша беда.

«Товарищи, во время мировой войны я стоял на важнейшем посту. Я уверяю вас, что я сожалею о том, что мы были вынуждены воевать на стороне германского империализма. Я столько же ненавижу и проклинаю германский империализм и германских империалистов, сколько английский империализм и английских империалистов. По-моему, все те, кто думали об обогащении неработающих, заслуживают быть уничтоженными. Это—моя точка зрения на империализм.

«Товарищи, уверяю вас, что если бы теперешняя Россия существовала тогда и вела войну с ее теперешними целями, мы, как в настоящее время, со всей энергией стали бы на ее сторону. Чтобы яснее доказать правдивость своей мысли, я скажу, что в то время, когда мы решили и стали совместно действовать с Советской Россией, армия Юденича стояла вблизи Петрограда, Колчак держал в своих руках Урал, Деникин приближался к Москве с юга. Антанта, двигавшая эти силы и считавшая игру уже выигранной, показала свои хищнические зубы и с удовольствием потирала руки. Таково было положение, когда мы старались стать друзьями России. Если бы бури Черного моря не толкнули меня обратно, сломав мачты

моего судна, если бы решетки ковенских и рижских тюрем и падение аэропланов, на которые я садился, не задержали меня, я приехал бы к вам в самое тяжелое для России время и мне не пришлось бы рассказывать эти лишние вещи, чтобы дать об'яснение некоторым товарищам.

«Товарищи, вы знаете, что в империалистической схватке этой мировой войны мы были побеждены. Но, с точки зрения войны угнетенных, я не признаю нас побежденными, потому что Турция, вследствие закрытия ее проливов, стала одним из факторов, приведших к крушению ненасытной царской России и к тому, что на место ее пришла естественная союзница всех угнетенных—Советская Россия. Таким образом, она содействовала тому, что открылся новый путь для спасения мира. С точки зрения угнетенных, я это считаю победой.

«Товарищи, армия, которая в настоящее время ведет героическую борьбу против империализма и которая силу свою получает от крестьянства, как я уже сказал, не была побеждена,—она только на время опустила руки. И в настоящее время, после проведенных в борьбе против того же врага 15 лет, она все время среди величайших лишений уже второй год ведет борьбу. Настоящую борьбу нельзя сравнить с прежней. Видя, что теперь восточный мир вступил в союз с III Интернационалом, и угнетенные всего мира поддерживают ее справедливые притязания, она преисполнилась решительной надеждой на победу.

«Товарищи, напряженный фазис мировой войны, начавшейся со времени Трансваальской войны, продолжался от 1914 до 1917 г. между империалистами и пришел к концу. Но война в настоящее время вступила в решительный фазис, и она окончится непременно нашей победой, т.-е. победой угнетенных, и не только сложением оружия со стороны империализма и капитализма, но полным его уничтожением.

«Настоящий конгресс придает новые силы Красной армии, проливающей свою кровь для защиты угнетенных, а также и турецким борцам. Точно также этот конгресс посодействует тому, чтобы борьба кончилась нашей победой, т.-е. победой права. К III Интернационалу нас направило не только одно стремление найти опору в борьбе, которую мы начали. Может быть, в то же время причиной является и близость принципов. Мы нашу революционную силу всегда черпали из народа, из угнетенной части народа, т.-е. из крестьян. Если бы наши фабричные рабочие были сильны, я бы их упомянул на первом месте. Однако, они также были с нами. Они душой и телом работали вместе с нами. Это и теперь так. Таким образом, мы опирались на угнетенную часть народа. Мы чувствуем его боль, живем с ним и умрем вместе с ним.

«Товарищи, считаясь с желанием народа, мы стоим за предоставление ему права самоопределения. Мы считаем себя связанными крепкими узами на всю жизнь с теми, кто хочет жить с нами; тем же, кто этого не хочет, мы желаем предоставить право самим устроить свою судьбу. Вот наша точка зрения по национальному вопросу.

«Товарищи, мы—против войны, т.-е. против того, чтобы люди ради власти душили друг друга. И для того, чтобы добиться вечного мира, мы идем вместе с III Интернационалом, и поэтому мы в настоящее время, вопреки всяким препятствиям, ведем кровавую борьбу и продолжаем ее.

«Товарищи, мы хотим счастья для трудящихся, т.-е. мы против того, чтобы спекулянты, будь то иностранные или туземные, пользовались плодами чужого труда. По отношению к ним нужно поступить без всякого стеснения. Мы хотим, чтобы наша страна пользовалась плодами общей работы путем развития земледелия и промышленности в больших размерах. Такова наша мысль по экономическому вопросу.

«Товарищи, мы убеждены, что только сознательный народ может добиться счастья и свободы. Мы хотим, чтобы основательное знание, соединенное с трудом и обеспечивающее нам истинную свободу, просвещало нашу страну, и тут мы не признаем разницы между мужчинами и женщинами. Это наша мысль о социальной политике.

«Товарищи, я вам заявляю, что союз революционных организаций Марокко, Алжира, Туниса, Триполи, Египта, Аравии и Индостана, избравший меня своим представителем, в этом отношении вполне солидарен с вами. Он вполне убежден, что путем применения всех революционных средств, ему удастся поломать зубы хищным зверям и обессилить их окончательно.

«Товарищи, руки, поднявшиеся с этой целью, протягиваются друг другу. Я жму руку всем, кто будет работать вместе с нами до окончания этой борьбы, которая продлится долго, но окончится только нашей победой. Желаю вам успеха.

«Да здравствует союз угнетенных!

«Долой угнетателей, дрожащих перед этим союзом!»

Таково было заявление Энвер-паши (Возгласы). Что же мы ему на это ответили? Может быть, приняли его с распростертыми об'ятиями? Сказали ему ты—бедный грешник, возвращающийся с покаянием? Ничего подобного. Мы приняли особую резолюцию против Энвер-паши (Возглас Криспина: «Правительство тоже или только партия?») Она была предложена товарищем Бела Кун и мною, и принята подавляющим большинством Конгресса, даже почти единогласно. Резолюция эта гласит:

«1. С'езд выражает свое сочувствие всем турецким борцам, которые борются против мирового империализма, угнетающего и эксплуатирующего восточные народы и держащего в рабстве трудящихся всего мира, и прежде всего против английских и французских империалистических бандитов. Подобно II Конгрессу

Коммунистического Интернационала, I С'езд Народов Востока заявляет, что он поддерживает те общенациональные революционные движения, которые стремятся освободить угнетенные народы Востока из-под ига чужеземных империалистов.

«2. Однако, С'езд устанавливает, что общенациональное революционное движение в Турции направлено только против чужеземных угнетателей, и его успех отнюдь не означал бы освобождения турецких крестьян и рабочих от угнетения и эксплоатации всякого рода. Успех этого движения не принес бы с собой разрешения самых важных для турецких трудящихся классов вопросов—аграрного вопроса и вопроса о податях и не устранил бы самые главные препятствия к освобождению Востока—национальные распри.

«3. С'езд находит необходимым особую осторожность по отношению к тем вождям движения, которые в прошлом вели на бойню турецких крестьян и рабочих в интересах одной империалистической группы и таким образом привели трудящиеся массы Турции к двойной гибели за интересы маленькой группы богачей и высшего офицерства. С'езд предлагает этим деятелям показать на деле, что они готовы теперь служить трудящемуся народу и загладить прошлые ложные шаги. Предлагая трудящимся массам Турции и всего Востока поддержать турецкое общенациональное революционное движение, С'езд призывает крестьян и рабочих Турции сплотиться в самостоятельные организации, быть готовыми довести дело освобождения до конца и не допустить, чтобы чужеземные империалисты, стремясь помешать делу освобождения, могли использовать свои связи и влияние на туземных богачей, кулаков, бюрократов и генералов (паши, деребейлеры и проч.). Только таким образом может трудящийся народ Турции добиться освобождения от всех его угнетателей и эксплоататоров, и только тогда земля, фабрики, копи и вообще все богатства

страны будут служить интересам трудящихся, и только трудящихся. Только таким образом».

Такова история с Энвер-пашей (Шум). Делегатом он не был, против него даже была принята резолюция. Конечно, он был вожаком армянских избиений, что мы ему и сказали прямо в глаза. Но я прошу вас вспомнить, что армянская буржуазия также была союзницей барона Врангеля. Прошу вас подумать и о том, что мы и теперь в любой момент можем ожидать нападения со стороны армянских, так называемых, демократов, и что, так называемая, самостоятельная Армения является вассалом английского капитализма, направленного против нас. С Грузией, в которой, разумеется, находятся теперь некоторые из членов партии независимых социалистов (слышу, что и Каутский туда поехал), дело обстоит точно также; в этой стране мы тоже должны видеть одного из союзников против русских рабочих. (Возгласы: «Да, конечно, так!»). Через Грузию поставляются боевые припасы для Врангеля, поэтому, не подходите к нам с этой армянской демократией — она также является орудием Антанты против русской пролетарской революции, и если вы находите, что после такого «соединения» с Энвер-пашей русская революция больше ничего не стоит, то я скажу вам: этим призраком вы можете пугать маленьких детей, но если расчитываете напугать им также и взрослых, то ошибаетесь. И ошибаетесь именно потому, что вы и национальные вопросы рассматриваете с реформистской точки зрения. Я вам сейчас это докажу.

Товарищ Гильфердинг на партийной конференции Независимой Социалистической Партии с презрением и усмешкой говорил о хивинских муллах: муллы в Хиве, и те, де, стали коммунистами. Само собою разумеется, муллы в Хиве отнюдь не коммунисты. Но мы, в III Интернационале, стоим перед

необходимостью говорить с рабочими всего мира, и не только с европейской точки зрения. Мы должны принести и хивинским муллам просвещение в духе, который соответствовал бы их стране. Мы хотим вести их за собою, мы хотим поднять их против их угнетателей. А достигнуть этого можно только так, как мы это делали. Мы об'яснили им точку зрения Коммунистического Интернационала. II Интернационал ограничивался людьми белых наций. III Интернационал не делит людей по цвету кожи. Если вы стремитесь к мировой революции, если вы хотите освободить пролетариат из оков капитализма, то вы не должны думать об одной только Европе, вы должны обратить свои взоры также и на Азию. Гильфердинг скажет с презрением: эти азиаты, калмыки, китайцы и т. д. Товарищи, невозможно добиться мировой революции, если мы не поставим на ноги и Азию; там живет в четыре раза больше людей, чем здесь в Европе, и эти люди так же, как и мы, эксплоатируются, угнетаются и унижаются капитализмом. Должны мы их приблизить к социализму или нет? (Бурные одобрения).

Если Маркс некогда сказал, что европейская революция без Англии была бы похожа на бурю в стакане воды, то вам, германские товарищи, мы говорим, что пролетарская революция без Азии не будет мировой революцией. И это очень важно для вас. Я тоже имею честь быть европейцем, как и все мы. Но Европа—маленькая часть света. На московском Конгрессе мы почувствовали, чего нам до сих пор недоставало в пролетарском движении. Там мы почувствовали, что именно необходимо для того, чтобы пришла мировая революция: необходимо пробуждение угнетенных масс Азии. Диттман, может быть, будет смеяться надо мной, но я должен признаться: когда я увидел в Баку, как сотни персов и турок вместе с нами пели «Интернационал», я почувствовал слезы на

глазах, я впервые ощутил там дыхание *мировой* революции. Да, подчеркиваю: не только европейской, но и *мировой* революции. Это—движение угнетенных народов всей земли против капитализма. Криспин был совершенно неправ, когда сказал: это—молодые капиталистические государства, выступающие против старых капиталистических государств (Возглас Криспина: «Отчасти!»). Нет, неверно. Это—один из тех вопросов, о которых должно сказать не то, что некогда о колониальной политике сказал Ледебур: что должен пробить час, когда наши мысли приведут в движение весь мир. И вот, мы хотим воплотить это в дело и повести угнетенных всех народов против буржуазии всего мира. Очень может быть, что это еще не массовый штурм пролетариата, но поток, который мы направляем против капитализма, будет становиться все сильней и быстрей, пока он, наконец, не освободит весь мир. И, как я уже говорил, товарищи, без этой поддержки, нам не удастся совершить мировую революцию.

В Петрограде, на открытии конгресса товарищ Ленин сказал: «В чем выражается результат капиталистической войны? В том, что четверть миллиарда европейцев угнетает полтора миллиарда населения других стран». Я этим не хочу сказать, что мы все здесь — угнетатели, но буржуазные классы этих стран — угнетатели. И надо, чтобы пролетарии всех стран примкнули к этому движению. Здесь смеялись над тем, будто в Баку я ввел в программу проповедь священной войны. Я говорил: «Народы Востока, вам много говорили о священной войне. Рабочим тоже говорили в 1914 году, что капиталистическая война—священная война. Народы Востока, это была проклятая война, но теперь мы предлагаем вам начать, действительно, священную войну против буржуазии, против угнетателей всего человечества» (Бурные, долго не смолкаемые одобрения). Товарищи! Разве

тут есть что-нибудь религиозное, что-нибудь демагогическое? Я приведу вам еще несколько мест из речи, которую я произнес перед этими людьми. Я, между прочим, сказал в Баку:

«Каждый крупный английский капиталист заставляет работать на себя не только сотни английских рабочих, но еще сотни и тысячи крестьян Персии, Турции, Индии и многих других стран, подвластных английскому капиталу. Из этого надо сделать вывод, что эти полтора миллиарда порабощенного населения прежде всего должны сплотиться. Тогда на земле не окажется такой власти, которая могла бы заставить вас гнуться перед этими разбойниками — английскими капиталистами. Задача цивилизованных, более образованных, лучше организованных рабочих Европы и Америки заключается в том, чтобы помочь отставшим рабочим массам Востока. Надо не насмехаться, не быть высокомерными, не кичиться своим превосходством над отсталостью восточных крестьян, а надо самым участливым образом пожалеть об их невежестве и отсталости и оказать им всяческую помощь... Движение, во главе которого стоит Кемаль, стремится освободить «священную» особу калифа из рук его врагов. Это — точка зрения его партии. Есть ли это коммунистическая точка зрения? Ни в коем случае... Представители рабочих - коммунистов всего мира обращаются к вам и предлагают вам руку братской помощи в этой тяжелой, но необходимой борьбе. Мы твердо убеждены в том, что вы эту вам протянутую руку европейского и американского пролетариата примете и ответите дружеским рукопожатием».

И они ответили согласием, товарищи, и их согласие претворится в факт. Я сказал им: «Маркс и Энгельс выковали слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Мы, ученики Маркса и Энгельса, мы живем в такую эпоху, когда на нашу долю выпало великое

счастье широко развернуть эту формулу и воскликнуть: «Угнетенные народы всего мира и пролетарии всех стран, соединяйтесь против ваших эксплоататоров!» (Бурные одобрения слева). В этом вопросе бакинские делегаты согласились со мной, и вы не должны были смеяться над этим, товарищи. Вам не следовало издеваться над с'ездом в Баку, а вы так много упражнялись в этом. Я сам видел, как во всех газетах, слова «бакинские коммунисты» писались в кавычках (Протесты справа). Товарищи, вы не хотели понять, что это было историческое событие. Вы представляли себе С'езд или хотели представить его только какой-то игрой со стороны нашего правительства. Товарищи, это был революционный акт,—акт вражды против английского капитала. Английское правительство жаловалось на это; я не знаю, что ответил ему товарищ Чичерин. Если нам приходится, товарищи, вступать в сношения с буржуазными правительствами, то русский рабочий класс не виноват в этом, в этом скорее виноваты рабочие всех других стран, и если тут нет вашей вины, то тут есть ваша слабость (Выражения согласия).

Решение московского конгресса по национальному вопросу, есть не шаг назад, а гигантский шаг вперед к мировой революции (Оживленные одобрения). И как раз по этому пункту Криспин полагал, что это было ошибкой. Коммунистический Интернационал, самая передовая революционная часть рабочего класса Европы и Америки, стремится всеми рычагами поднять Азию. Теперь надо итти вперед, теперь у нас будет не только европейская революция, но революция мировая. В Баку образовался орган, который называется «Советом Действия»; он состоит из 48 членов от 28 народов и из 2 представителей Коммунистического Интернационала. В нем единогласно было решено дать этим двум представителям

право veto. Могут сказать: А, здесь тоже диктатура Москвы!—Товарищи, право же, здесь нечто более великое, чем мелочная «демократия». Здесь есть выражение того, что большая часть этих восточных народов считает совершенно естественным: чтобы самая передовая часть рабочего класса была его учителем и руководителем, вместо того, чтобы эти народы высмеивать и смотреть на них сверху вниз, как на «хивинских мулл». Нам говорят, будто мы сплошь неграмотные. Товарищи! Я с гордостью могу сказать вам, что у нас, в Петрограде, уже очень мало неграмотных, а через три года их и совсем почти не будет. Эти неграмотные в 1905 и 1917 гг. сумели совершить две величайших революции всей мировой истории (Бурные одобрения). Так придет к нам с Востока свет для всего человечества!

Я спрашиваю каждого рабочего, обладающего классовым сознанием: «Есть ли что-нибудь недостойное или неприемлимое для европейского рабочего класса в том, что мы собрали народы Востока, и что они согласились добровольно подчиниться руководству рабочего класса Европы и Америки? Но надо уметь приобрести их доверие, а это невозможно, пока передовые товарищи, в роде Гильфердинга, позволяют себе поднимать на смех «хивинских мулл» (Оживленные одобрения слева). Этих бедных, угнетенных народов столько раз обманывали, грабили и унижали, что они ко всякому европейцу относятся с недоверием. Но к Коммунистическому Интернационалу—и это наша гордость—все эти угнетенные народы относятся с величайшим доверием. Мы видим, что передовые слои азиатских народов приходят к нам, а не к старой социал-демократии.

Итак, в чем же наша ошибка? Товарищи, я полагаю, что она не у нас, а у вас. Ограниченность, старая тупость, старые буржуазные предрассудки, которые Вы всосали с молоком матери, мешают вам

привлечь эти народы на свою сторону, и, сообща с ними, совершить пролетарскую революцию; а об'яснение просто: у вас совсем нет революционного чувства. Да, это чувство для вас не существует (Бурные возражения справа). Если бы это было не так, пришлось бы считать чистой случайностью, что Гильфердинг смеется над «хивинскими муллами». Известный русский полководец, генерал Суворов однажды сказал: «Не всегда же только случай! Надо же иметь и сколько-нибудь ума в голове». Нет, это не случай. В этих жгучих вопросах мы должны были возвыситься до той точки зрения, что нельзя издеваться над народами Востока, а напротив, надо их поднять и им помочь, ибо без их помощи, товарищи, мы все останемся во власти буржуазии (Шумные одобрения слева).

В Баку влияние Энвера на часть мусульманского населения было так велико, что—я не скрою—на улицах целовали у него руки и ноги.

Само собою разумеется, об этом приходится пожалеть. Но мусульманское население надо брать иначе, чем наше. Надо уметь входить в те затруднения, на которые постоянно наталкивается рабочее движение на Востоке, и надо уметь устранять их. Приходится считаться с устойчивыми предрассудками этого населения. Да, ведь, это мы делаем и в Европе. Не поступаете ли вы таким же образом, когда делаете известные уступки религиозным предрассудкам? (Возглас справа: «Нет, мы этого не делаем»). Товарищи, мы и не думали, например, что в один прекрасный день женщины Востока сразу поймут, что такое коммунизм. Вы, может быть, сочтете мелочью такой, напр., факт, который я вам расскажу: в многотысячной демонстрации мусульманские женщины поснимали свои покрывала. По этому поводу ученый социалист, в роде Гильфердинга, покачает головой и скажет: «Ага, хивинские женщины и муллы!» А я вам говорю, что это всемирно истори-

ческое событие. Мы не добьемся всемирной революции, если женщины Востока не поймут, что они угнетены и порабощены и находятся во власти предрассудков. Товарищи! Я считаю это честью для нас, честью для всего человечества, что мы совершаем такую колоссальную просветительную работу. Почему она неприемлема для немецких рабочих? (Шумные одобрения слева). Я полагаю, товарищи, это и есть то, что должен делать рабочий класс всего мира под руководством Коммунистического Интернационала,—это то, что и будет делать Коммунистический Интернационал! (Оживленные одобрения).

Перехожу теперь к третьему принципиальному вопросу, затронутому Криспином, а именно, к вопросу *о терроре*. Это, по моему мнению, не решающий, но, все же, важный вопрос. Криспин прав, что было время, когда коммунистическая партия в России высказывалась за свободу печати. Она говорила: свободу печати, как принцип, нужно сохранить. Впоследствии она отказалась от этого взгляда. И это было правильно—это был шаг вперед. Теперь вы хотите проводить разницу между насилием и террором. Это, по нашему мнению невозможно. Террор—только самая резкая форма насилия, так же как гражданская война есть самая резкая форма классовой борьбы. Гражданская война—это одно из проявлений классовой борьбы, гражданская война—высший ее пункт. Таким же образом террор является кульминационным пунктом гражданской войны и насилия. Такова наша точка зрения.

Криспин цитировал слова тов. Розы Люксембург и привел то место, в котором наша покойная учительница говорит: «Пролетарская революция не нуждается для своих целей в терроре, она презирает и ненавидит человекоубийство». Но послушайте, что она говорит дальше: «Безумие думать, что капиталисты добровольно подчинятся социалистическому решению парламента, национального собрания и спокойно отка-

жутся от своих владений, барышей, от своего права эксплоатации... Их сопротивление придется шаг за шагом сокрушать железною рукой и с беспощадной энергией». .....«Насилию буржуазной контр-революции надо противопоставить революционное насилие пролетариата, угрожающей опасности контр-революции—вооружение рабочих масс и разоружение господствующих классов. Борьба за социализм это—самая насильственная гражданская война, какую только знает всемирная история, и пролетарская революция должна подготовить для этой гражданской войны свое боевое снаряжение, должна научиться им пользоваться, чтобы сразиться и победить» [1]). (Голос справа: «Как раз наше мнение!») И мое также. Я охотно вступил бы по этому вопросу в об'яснения с Ледебуром (Голос справа: «я охотно выступлю после вас в качестве содокладчика»). Охотно, товарищ Ледебур, но с условием, что вы мне дадите высказаться и не будете постоянно меня прерывать. Выражения товарища Ледебура о терроре произвели на нас, в России, весьма тягостное впечатление, так как мы привыкли уважать в нем старого борца (Шум справа).

То, что я когда-то вычитал, было в начале революции также и нашим мнением. Мы знали, что мы, как марксисты, не можем отрицать террор. Мы знаем, что Маркс неоднократно говорил о необходимости «плебейской» борьбы против буржуазии. Маркс был централистом и террористом. Как в начале революции, так и до нее мы были террористами. Но на практике мы ими не оказались. На практике мы привыкли оказывать почтение слабостям Парижской Коммуны, той Парижской Коммуны, о которой нам покойный тов. Лафарг говорил: «Коммунары были слишком добродушными парнями».

Мы и были такими в начале революции — мы были

---

[1]) «Was Will der Spartakusbund?», III.

слишком добродушными парнями! Мы заявили, что питаем отвращение к убийствам, и это вовсе не было пустыми словами в наших устах. Вы, конечно, знаете, что в первые дни нашей революции, по поручению Керенского и контр-революционеров, против нас выступил генерал Краснов, который с оружием в руках стоял у ворот Петрограда, чтобы вырезать петроградских рабочих. Когда он попал к нам в плен, как мы поступили с ним? Мы сказали ему: «дай нам честное слово, что ты впредь не будешь действовать против нас». Он его дал, и мы были так глупы, что отпустили его на свободу. Единственный человек, который по этому поводу выражал сомнение, был Ленин. Итак, мы этого генерала отпустили на волю, товарищи! А он, как вам известно, собрал контр-революционную армию и наше излишнее благородство по отношению к Краснову и другим контр-революционерам стоило десятков тысяч человеческих жизней. Но слушайте дальше. В самый день переворота было арестовано много министров, которые, по поручению английской дипломатии, совершили не мало преступлений против рабочего класса. И я очень хорошо помню, как Мартов вступился за этих министров. Он пришел на заседание Совета Народных Комиссаров — это было его первое заседание — и просил о домашнем аресте для этих господ. Мы были так глупы, что их освободили, по крайней мере большинство из них. А что они потом сделали, вы сами знаете. Я вовсе не говорю, что это была вина тов. Мартова, который стоял при этом и курил папиросу. Это была наша вина: мы, коммунисты, были слишком добродушны. И так мы в начале поступали всегда (Голос: «Как же вы поступили?»). Весь мир знает, что мы освободили этих министров, за исключением некоторых, которые были агентами Антанты и были высланы. Мы были слишком добродушны. Это — интернациональная слабость пролетариата.

Товарищи! Вспомните финляндскую революцию. Я говорил об этом со многими из финляндских друзей. Финляндские рабочие захватили власть. Что же они сделали? Они освободили всех буржуазных министров и депутатов, а эти люди отправились в Берлин, привели из Германии белогвардейцев и вернулись в Финляндию. И вам, конечно, известно избиение финляндских рабочих. В Венгрии отчасти было то же самое. И, у вас, товарищи, в Германии, также. Так вот, если вы думаете, что мы одного мнения с тов. Розою Люксембург,—да, перед революцией мы были того же мнения—то, ведь, это была розовая, наивная юность нашей революции, когда мы думали, что эти люди подчинятся («Очень хорошо!»). И это стоило нам потоков крови и целых годов борьбы. И вот, товарищ Ледебур, если будет когда-нибудь в Германии Советское правительство,—а мы все надеемся, что это именно так и будет,—и если вы будете стоять тогда перед этим вопросом, то покорнейше просим вас не повторять наших ошибок. Как интернационалисты, должны же мы учиться друг у друга («Совершенно верно»). Вы не должны следовать нашим «предписаниям», но, вы должны учиться у Финляндии, Венгрии, Латвии и не в последней степени также и у Германии («Очень хорошо!» Рукоплескания. Голос Ледебура: «Все ложные выводы!»).

Если вы думаете, что вы не хотите войти в состав III Интернационала потому, что принципиально расходитесь с нами по вопросу о терроре, то в лучшем случае вы ошибаетесь. И прошу вас обдумать это хорошенько. Вы непременно хотите повторить нашу ошибку. Нельзя ставить этот вопрос в такой форме: нравственно это или безнравственно? Никому эти убийства неприятны—вы можете быть в этом уверены. Отчего же это произошло? От того, что революция рождена войной. Во время войны, в которой убито 20 миллионов человек, мы все немного

одичали. Мы уже не так ценим человеческую жизнь. Пролетарская революция шествует в потоках крови, со страшными родовыми муками, человечество огрубело («Совершенно верно»). Люди привыкли итти с ружьем друг на друга. Вопрос теперь в том, какими средствами защищать революцию нашего класса, революцию ради человечества, какими средствами нам защищать свою жизнь? Вот, в чем вопрос (Возглас справа: «Это зависит от положения». Смех слева и возглас оттуда: «Ага!»).

Возможно, что в доктринерском, профессорском смысле можно еще установить различие между понятиями насилия и террора. Разумеется, это будет именно доктринерское различие, а перед нами политический вопрос,—вопрос об угнетенном классе, который должен защищаться, и потому мы говорим: Не занимайтесь диалектическими тонкостями. Раньше мы были подавлены и убаюканы миром. Теперь мы пришли к другому решению, а именно,—что мы не можем отказаться от террора, что, наоборот, мы должны его применять и смотреть на него, как на оружие в руках рабочего класса, и раз он нужен, мы за него. Товарищи, это опять-таки происходит оттого, что вы смотрите на революцию совершенно абстрактно (Возглас: «Боже избави»). Вы думаете, что она придет через сто лет. Вы совершенно не хотите брать конкретные обстоятельства, как они есть в действительности; вы этого никак не можете понять, даже в Германии, где вы хорошо познакомились с буржуазным террором. Имена Либкнехта и Люксембург светят, как звезды, с неба угнетенных всего мира. А кто убил Розу Люксембург и Карла Либкнехта? Разве они не пали жертвой буржуазного террора? И что же мы должны выслушивать в Германии из уст Ледебура,—в Германии, где нет города, нет улицы, где не лилась бы кровь рабочих? Как может явиться такая идеология, как вы можете еще

сомневаться? Раз что нужно, оно должно быть (Слева: «Совершенно верно!»). Мы никогда не проповедывали, что надо применять террор, даже когда он не нужен (Возглас справа: «Но это не принципиально!»). Мы этого и не делали.

Я приводил вам исторические факты, которые очень важны и образуют целый этап нашей революции. Вы отлично знаете, товарищи, что, когда мы победили Деникина, мы тотчас же заявили: довольно террора! Может быть, слишком поспешно, но мы это заявили. Как же вы можете теперь из этого вить нам веревку, как можете говорить германским рабочим: вот вам презренные террористы, они возвели террор в принцип? Нет, если вы относитесь серьезно к пролетарской революции и диктатуре, то вместе с этим дожны принять и террор, иначе дело не пойдет, и вовсе не по нашей вине, но по вине проклятой буржуазии («Совершенно верно!»), которая готова ухлопать еще 20 миллионовъ людей, но не отступиться от своих привилегий.

Вот как, товарищи, обстоит дело с террором.

Мне хотелось бы добавить еще только следующее. Вы, может быть, скажете: Да, террор против буржуазии, может быть, и нужен, но не против, так называемых, социалистов. Позвольте мне еще на две минуты остановиться на этом вопросе.

В речи товарища Диттмана на конференции много говорилось об одном известном русском социалисте, Викторе Чернове, о котором было заявлено, что он— социалист и бывший председатель Учредительного Собрания. Если бы он приехал в Галле, вероятно, правые независимые устроили бы ему овацию. Позвольте мне процитировать вам один документ, из которого вы увидите, что мы вынуждены с оружием в руках, террористическими средствами выступать против таких «социалистов». Только один документ—резолюцию по международной политике, принятую VIII с'ездом

партии социалистов-революционеров в 1918 году, когда чехо-словаки и белогвардейцы вели войну с нами, резолюцию партийного с'езда, партийного совета, партийной конференции социалистов-революционеров, вождем и представителем которых является Виктор Чернов. Представьте себе бывшее тогда положение. У нас еще не было Красной армии, а были только зачатки ее; мы были еще связаны Брестским договором; Антанта была много сильнее, чем теперь; она вела войну против нас, она послала против нас чехо-словацких солдат; у нас не было хлеба; мы подвергались нападению; положение наше было очень трудное. И с'езд партии социалистов-революционеров принял следующую резолюцию, которую я цитирую дословно:

«В виду того, что большевистское правительство своей политикой навлекло на Россию опасность совершенно лишиться самостоятельности и подвергнуться разделу на сферы влияния между своими сильными соседями, VIII с'езд партии социалистов-революционеров находит, что эта опасность может быть предотвращена только немедленной ликвидацией большевистского правительства и переходом правительственной власти в руки демократического правительства, опирающегося на всеобщее избирательное право,—правительства, которое в войне с Германией признает военную помощь со стороны союзников под условием и в форме, которые обеспечивали бы целость России. В интересах такого правительства организованной демократии, опирающегося на законодательное национальное собрание, допускается вступление союзных войск на русскую территорию с чисто стратегическими, а не политическими целями, если, в силу соглашения с Россией и в силу формальных гарантий, союзные вооруженные силы не будут вмешиваться во внутреннее политическое устройсшво и будут соблюдать целость русской территории».

Таким образом, партией социалистов-революционе-

ров было предложено Антанте послать в Россию свои войска ради «стратегических», а не политических целей, и с условием «невмешательства». Что войска Антанты, вопреки этому, на самом деле вмешивались во внутренние дела, об этом мне нет надобности вам рассказывать. Словом, представьте себе: социалистическая партия в момент, когда сотни наших товарищей ежедневно падают на фронте, когда рабочий класс голодает, когда Антанта готова наступить нам сапогом на грудь, когда офицеры и шпионы Антанты всюду шныряют,— социалистическая партия на с'езде принимает постановление, которым Антанте разрешается послать свои войска на русскую советскую территорию, не для «политических», а для «стратегических» целей. Я спрашиваю вас, товарищ Ледебур, если бы вы стояли во главе пролетарского правительства и находились в таком положении, что Антанта посылала бы к вам войска, а внутри Германии социалистическая партия заявила бы: «Да, мы просим Антанту прислать войска». (Возглас Ледебура: «Конечно, мы поступили бы с ними, как с врагами»), как действовали бы вы в таком случае иначе, как силою? («Совершенно верно»!). Что они иное, как наши классовые враги? Что они иное, как буржуазные элементы, хотя и называют себя социалистами и хотя даже исключены теперь из II Интернационала? (Возглас Ледебура: «Циммервальд»).

Вы должны иметь в виду, что Чернов и его «партия социалистов-революционеров» в первый период революции, а отчасти и во второй, были связаны с меньшевиками на жизнь и на смерть. Они заседали вместе в правительстве, проводили сообща свою политику, их министры арестовали Троцкого, их министры разгромили нашу партийную организацию, их министры согнули в бараний рог петроградских рабочих. Вот каковы эти социалисты (Возглас Ледебура: «Контр-революционеры»!). Вы должны также понять психологию. Для

нас, т.-е. для меня и для группы моих ближайших единомышленников, сперва дело стояло так, что нам казалось невероятным, чтобы эти люди были контрреволюционерами. Мы говорили себе: «Чернов, который вместе с нами и Ледебуром был в Циммервальде, одно время даже принадлежал к циммервальдской левой?... Как это возможно?... Нет, несомненно, это преувеличение. Подождем и испытаем, помиримся, и т. д.». Но весь ход революции с железной логикой отделял нас друг от друга, пока мы, наконец, сказали «он называет себя социалистом?! пусть на словах так, но на самом деле он—агент буржуазии, он для нас опаснее, чем любой «оргеш» [1]).

Такова уж революция. С этим ничего не поделаешь Она не совершается так вот, по-приятельски, снисходительно, обывательски-мечтательно. В ней дело идет о жизни и смерти; и иначе невозможно. Так и дошло до того, что мы вынуждены были применить террор даже против одной из, так называемых, социалистических партий, как и она против нас его применяла, как она убила нашего Урицкого, а Ленина тяжело ранила. Это сделала партия социалистов-революционеров (Возглас Мартова: «Нет!». Возглас Криспина: «Мартов протестует против этого!»). Женщина, стрелявшая в Ленина, была членом партии социалистов-революционеров. Женщина, которая хотела сыграть роль Шарлотты Кордэ и чуть не лишила Ленина весь наш рабочий класс. Таково положение вещей. Мы от всей души желаем, чтобы у вас дело шло иначе, лучше; но, когда оглядываешься на первый период вашей борьбы и еще раз представляешь себе судьбу Розы Люксембург и Карла Либкнехта, то приходишь к выводу, что это лишь благое пожелание. Мы очень хорошо знаем, что многие из вас, даже сидящие справа, как, например, Ледебур, лишь случайно остались в живых. Кто несет

[1]) Название германской корниловской организации: «Organisation Escherich».

за это нравственную ответственность, об этом мне нет нужды говорить. Очень тяжело, что пролетарская революция совершается так трудно и с таким кровопролитием, но этого уж не изменить.

Вот что я должен был сказать вам по вопросу о терроре, и думаю, что если рабочий класс всего мира действительно захочет использовать уроки преемников Парижской Коммуны,—как мы с гордостью себя называем,—если он захочет использовать опыт революции финляндской, германской, русской, латышской, эстонской, то он должен будет сказать нашим еще неопытным партиям то, что сказал Лафарг: «Товарищи, в борьбе за наше дело нельзя быть слишком добродушным; но, напротив, когда потребуется, применяйте даже самую жестокую форму насилия, т.-е. террор» (Слева: «Правильно! Браво!»).

Таким образом, думаю, что я закончил рассмотрение тех трех спорных принципиальных вопросов, которых коснулся тов. Криспин (Возглас Криспина: «Система советов»). От меня требуют высказаться также о системе советов. Насколько я усматриваю, здесь вчера спорили о том, следует ли допускать в советы также желтых рабочих (Возглас Криспина: «Не только об этом!»). Надеюсь, по крайней мере, что я правильно понял проблему и попытаюсь дать ответ на нее.

Прежде всего вопрос *о желтых* рабочих. Если под «желтыми» разуметь технический персонал, наемный технический персонал буржуазии, т.-е. небольшую группу, то их, конечно, надо гнать прочь. Но если под ними разуметь вообще реакционные элементы рабочего класса, христианские, вообще отсталые и т. д., то заявляю прямо, что такие элементы безусловно должны быть представлены в советах. Товарищи, мы должны организовать свой класс. Это—азбука всей нашей деятельности. То, что часть наших собственных братьев борется против нас, является проклятием нашего класса. В советах мы имеем возмож-

ность вразумить их. Все вы согласились с тем, что Совет Действия в Англии был очень важной пролетарской организацией. А разве в ней не участвовали и христианские рабочие? Сколько хотите. Тут были всякие рабочие. От каждого города имелся делегат, а, к сожалению, даже в Англии есть и христианские, и отсталые рабочие. У нас на первом заседании Петроградского Совета, так же, как и Московского, были прямо таки антисемитские элементы. Они были там, есть еще и поныне, иначе и быть не может. Но когда практически работаешь два-три года, как мне, например, пришлось в Петербурге, то видишь, как эти советы становятся настоящими и превосходными университетами для посещающих их рабочих.

Идея советов тем и велика, и потому она и стала идеей рабочего класса всего мира, что в рамках советского строя мы имеем возможность вразумлять наших отсталых братьев, день за днем давая им возможность участвовать в государственном аппарате и овладевать им. Да и у вас дело не будет иначе. Эти люди должны быть с вами. Плохо, что они к нам не идут, что их удерживают желтые, но идея советской системы—такой сильный магнит, что притягивает к себе сердца и души всех рабочих, даже самых отсталых. И мы должны воспользоваться этим магнитом, должны привлечь к себе этих людей и в лаборатории советской системы обращаться с ними, как с рабочими, по-товарищески, ибо эти отсталые рабочие—проклятие нашего класса. Мы именно должны их вразумить, иначе нельзя. Когда дело доходит до борьбы на ножах, мы должны с ними бороться, но они должны быть с нами в советах. Практика вам покажет, что люди эти должны быть с вами, и мне хотелось бы напомнить вам по этому поводу то, что говорил неоднократно покойный Август Бебел. Ведь, мы в течение десятилетий следили за судьбами вашей партии и учились у нее; мы читали все, что говорили такие

учителя германской партии, как Август Бебель (Возглас справа: «В наше время он говорил бы совсем другое!»). Сколько раз он говорил, когда вы обсуждали вопрос о профессиональных союзах: «Да, в отношении тех христианских рабочих, которые состоят в профессиональных организациях, мы должны быть терпимы и осторожны; мы должны привлекать этих людей на свою сторону» (Возражения справа. Возглас Криспина: «Амстердамский Интернационал профессиональных союзов!»). Амстердамский Интернационал профессиональных союзов! Третий Интернационал постановил участвовать во всех конгрессах профессиональных союзов и там перевоспитывать рабочих; но что мы должны там бороться с вождями или, вернее, с соблазнителями, это ясно. Август Бебель вовсе не говорил, что надо щадить вождей христианских рабочих («Совершенно верно!»). Их мы и не щадим, а только рабочих, наших товарищей по классу, но это совсем другое дело.

Товарищи, у вас, быть может, пойдет дело по другому, мы вовсе не имеем претензии предписывать вам, мы не школьные учителя. Но мы приняли к себе отсталые элементы, и теперь еще принимаем, так называемых, беспартийных. Иногда это те же христианские, те же отсталые рабочие. Я, напр., в своей деятельности, даже чаще выступаю перед беспартийными, чем пред нашими товарищами. Иногда в шутку даже говорят: Да, ведь, Зиновьев—«беспартийный». Почему я это делаю? Потому, что мы должны иметь с собою этих беспартийных, мы должны иметь с собою эти отсталые элементы и их перевоспитывать (Возглас справа: «Это очищение!»).

Затем, второй спорный вопрос касательно советов. Поскольку я могу судить, это—спор о том, должна ли партия играть руководящую роль в рабочих советах. Мы безусловно того мнения, что политическая партия должна быть руководительницей.

Было время, когда мы в Петроградском Совете, наиболее передовом во всей стране, имели только 2—3 процента партийных членов. Я вспоминаю, когда у нас впервые было решено образовать коалиционное правительство, когда появились Чернов, Церетелли и другие министры, какое ликование было тогда в Петроградском Совете среди рабочих, что у них есть, наконец, министры-социалисты.

Когда Троцкий хотел там говорить и предложить резолюцию, ему даже не дали слова, ему кричали: «Ступай к чорту. У нас коалиция, у нас министры-социалисты, не надо нам гражданской войны, не надо нам террора». Для нас это были горькие минуты, но потом все изменилось. Итак, партия была в незначительном меньшинстве. Но мы должны были продолжать работу и изо дня в день доказывали рабочему классу, что наша партия была права. И она завоевала советы и повела их дальше и будет продолжать вести их, а потому я думаю, что вряд ли и у вас дело пойдет иначе. Может быть, у вас образуется другая группировка сил, но, поскольку вы хотите считаться с опытом русской революции, который, ведь, чего-нибудь да стоит, мы заявляем: у нас это было так; мы должны иметь сплоченную партию, которая в состоянии вести советы за собою.

Этим, кажется мне, исчерпана и эта часть прений.

Я не могу очень далеко отклоняться, к тому же мне трудно говорить, может быть, и вы уже устали, но я, все же, считаю себя обязанным коснуться здесь еще одного вопроса, и вы должны уделить мне еще немного времени (Возглас: «Мы еще не слыхали условий»). Сперва разрешите мне о России... (Возглас Ледебура: «По вопросу о централизации Интернационала!»). Я буду и об этом говорить.

Но, товарищи, разрешите мне сперва два слова о России. Вы очень хорошо знаете о тех тяжбах, которые тов. Дитман затеял против большеви-

ков (Возражения. Возглас: «Неправда!»). Но смешно, ведь оспаривать это. Итак я хочу сказать следующее: я хотел бы предложить тов. Дитману, если он склонен к этому и если это возможно, устроить между нами дискуссию по вопросу о русских делах на большом рабочем митинге в Берлине или где-нибудь в другом месте. Кто-то, видите ли, очень зло подшутил над товарищем Дитманом: ему подсунули материал, который представляет собою действительно что-то невероятное, а он доверчиво дал ему ход. Когда он заявляет, что в нашей партии 318.000 членов советских служащих, а не рабочих, и что у нас в партии только 11% рабочих и смело утверждает, что эти данные и цифры опубликованы Центральным Комитетом, то это такая легенда, такая басня, что я просто развожу перед нею руками. Как может такой человек, как Дитман, который, все же, испытанный политик, публиковать что-нибудь подобное без проверки? Итак, я готов дать об'яснения по этому поводу в публичном собрании с Дитманом и Криспином. Но одно хотел бы сказать здесь.

У нас, действительно, все выглядит плохо. Мы этого вовсе и не отрицаем. У нас недостает хлеба, теперь меньше его, чем других с'естных продуктов. Плохо обстоит дело и с топливом и с жилищным вопросом в городах. У нас многого нет, но просим вас, подумайте только о том, какую борьбу мы вели в продолжение этих трех лет (Дитман: «Я также указывал на все это!»). Один наш товарищ попробовал составить список правительств, с которыми нам приходилось бороться. Их, по меньшей мере, 18: Англия, Франция, Америка, Япония, а раньше — Германия, Австрия, Венгрия, Румыния, Польша и Чехо-Словакия и многие другие. Я уже не говорю о нашем внутреннем враге, о контр-революции, об офицерах и белогвардейцах. Итого, около 20 правительств, почти весь мир за двумя исключениями воевал с нами ору-

жием, деньгами, шпионажем,—словом, всем, чем только было возможно. Это отнюдь не преувеличение. Нам приходится бороться с целым светом, и, к сожалению, рабочий класс Европы был так плохо организован, что не мог нам помочь.

Мы находились в борьбе почти со всем буржуазным миром. И вот, товарищи, взгляните же на эту картину внимательнее, и представьте себе (Возглас справа: «Мы все это уже знаем!»), в каком-нибудь городе рабочие бастуют два, три, четыре месяца. Они ни откуда не получают помощи, их преследуют, им нечего есть, дети их бегают босиком, их квартиры имеют очень непривлекательный вид. И вот является рабочий из другого города или из другого округа и все это констатирует. Он смотрит на все это и заявляет: «Нет, это мне совсем не нравится» (Возглас слева: «Очень хорошо!»).

Товарищи, а ведь, в сущности, так и обстоит дело с тяжбой, возбужденной против нас тов. Диттманом (Возглас слева: «Правильно!»). Поэтому вы можете себе представить, какие чувства вызвала она у русских рабочих. Мне нечего говорить, какого рода эти чувства, и я хорошо знаю, что и германские рабочие не похвалили этой тяжбы (Бурные одобрения и аплодисменты слева. Возражения справа. Диттман восклицает: «Потому что вы не читали того, что я написал»). Полагаю, вы все знаете статьи товарища Диттмана. Мне не хотелось бы читать их перед вами. Сообщалось, что одна из этих статей перепечатана антибольшевистской Лигой в виде плаката (Возгласы справа: «И ваша статья также»). Я просил бы о пустяке: не предоставят ли этого плаката в мое распоряжение для нашего Музея Революции в Петрограде. Мы поместим его в красивую рамку и будем сохранять на память (Возгласы справа: «Ленин!»).

Товарищи, сегодня здесь цитировали Ленина, и вы-

сказывали мнение, что Ленин—парень очень толковый. Таково и мое мнение. С этим я вполне согласен. То, что написано им о детской болезни коммунизма, превосходно. Как он критикует нашу партию—это не плохо. Но это совсем не то, что Дитман написал о положении дел в России (Одобрение слева). Позвольте мне остановиться на моей собственной критике нашей партии, которую сегодня цитировал здесь тов. Дитман. Он думал, что эта критика будет говорить против меня, против нашей партии. Нет, товарищи, она говорит в пользу ее и мою, как члена этой партии. Да, тов. Преображенский, действительно, написал то, что здесь цитировали сегодня (Справа: «Слушайте, слушайте!»), хотя понятно, при этом была выхвачена только часть из целого.

Верно, что я сам на партийной конференции по случаю с'езда партии, которая состоялась в Москве несколько недель тому назад, читал доклад, который был здесь сегодня оглашен, и в котором я весьма резко критиковал некоторые отрицательные стороны нашей партии (Справа:« Слушайте, слушайте!»). Верно, что я говорил даже о неравенстве в условиях жизни внутри нашей партии. Но я хочу вас спросить: «А разве у вас в партии нет никаких неравенств и разве все у вас в таком совершенстве? (Возглас: «Да, ведь, не об этом речь»). Совертенно верно, я говорил это и высказывал вещи еще более резкие. Но вы должны знать, что в течение 25 лет мы всегда откровенно высказывались на наших партийных с'ездах и потому-то несмотря на некоторые слабые стороны нашей партии, мы и сделались, всетаки величайшей—могу это с гордостью заявить—наиболее ценимой всем рабочим классом России и всего мира, наиболее дисциплинированной и наиболее способной к действию партией. В течение 25 лет сряду мы применяли критику и всегда будем так поступать. Товарищи, в разные времена у нас в партии бывали болезни, ко-

торые можно назвать сезонными. Мы ими переболели так же, как и всякая другая партия: но мы их констатировали и лечили, и близки к тому, чтобы излечиться.

С того момента, как мы взяли в свои руки власть, у нас появились и совершенно новые болезни, которых не было прежде, когда у нас не было власти. В настоящее время мы страдаем сезонной болезнью, заключающейся в приходе многих нежелательных элементов, частью прямо темных личностей, которые нам самим не очень-то приятны. Я желал бы, чтобы и в этом отношении у вас дело пошло лучше; не знаю, только, исполнится ли мое желание. В Венгрии было то же самое, так как и там значительное число темных личностей втерлось в партию. Но подумайте только о нашем положении, подумайте о том, что мы потеряли на фронте, по меньшей мере, 300.000 наших лучших товарищей. По статистическим сведениям, мы в первый год революции потеряли 270.000 рабочих, которые пали большей частью в рядах армии и на фронте. Произведя статистические подсчеты, мы видим, что старая гвардия почти исчезла. Да, это плохо, но иначе дело не идет. Нужно было именно наиболее испытанных товарищей бросить в качестве организаторов и советских служащих туда, где были самые опасные места. Ясно, что мы изо дня в день должны были заносить потери самых лучших и наиболее испытанных пролетариев.

Итак, слой старых, испытанных работников слишком утончился. Независимо от этого, даже и те, кого мы не теряли, во многих случаях смертельно уставали и заболевали. Они больны, мы видим это и сознаем, что должны были бы, собственно, их лечить. Было и так, что один товарищ, которого я знаю уже 14 лет, и которого мы хотели отправить в санаторию, как тяжко больного, сказал нам: «Нет, я не пойду, я хочу лучше продолжать с вами работать и

вместе с вами умереть». Но даже и те, кто остался в живых, должны были за эти три года пережить так много страшного, должны были взвалить на свои плечи такое огромное бремя, что многие из них лишились сил и стали неимоверно нервными. С явлениями этого рода мы особенно должны сейчас считаться на фронте. В своем сообщении я сказал, что там есть элементы, которые ведут себя не так, как подобает коммунистам; но я же прибавил, что таких ничтожное меньшинство и что большинство — вполне выдерживает испытание. Недавно товарищ Троцкий сделал доклад в Центральном Комитете, т.-е., в небольшом кругу, о своей поездке на польский фронт. Он сказал: «Самым ужасным было для меня то, что там приходилось наблюдать на наших питерских и московских рабочих; иногда, казалось, будто видишь пред собою привидения. Люди так много работают, так много терпят и так мало обеспечены, что едва могут держаться на ногах. Простой солдат заберет у кого-нибудь последнего гуся и с'ест, но коммунист этого никогда не сделает, а будет довольствоваться своим пайком. Как бы он ни чувствовал себя слабым, он всегла в передовых рядах».

Таково у нас положение вещей, и все потому, что мы вынуждены бороться против целого мира врагов. Но вы не должны забывать, что пролетарской революции вообще не добудешь дешевой ценой. Кто не хочет платить настоящей цены, тому лучше и не начинать.

Конечно, в нашей партии также существуют болезненные явления. Есть люди, которые только сегодня сделались коммунистами, стали советскими служащими, требуют для себя всяких преимуществ, а, между тем, только разводят бюрократизм, и многое другое. Поэтому-то мы именно этим людям и намылили голову от имени Центрального Комитета, от имени рабочих, и сказали им: «Так нельзя, этого партия не потерпит! Партия требует от вас, чтобы

вы не становились пролетарскими бюрократами, партия не желает никаких неравенств». Вот что мы сказали. И если здесь кто-нибудь полагает, что мы не знали и не предвидели, что Диттман будет на это ссылаться, то он сильно ошибается. Мы очень хорошо это знали, но я считал бы себя обязанным заявлять на каждом массовом собрании: товарищи и братья, так и так обстоит у нас дело, такие-то и такие-то бывают у нас сезонные болезни. И что худого в том, что мы открыто высказываемся о том, как нам поступить, чтобы побороть эти болезни? Имеете ли вы право поносить нас за это? Разве это то «диктаторство», о котором вам разсказывают? Хотел бы я видеть того члена правого крыла Германской Независимой Социалистической партии, который, будучи возмущен чем-нибудь в своей партии, имел бы мужество публично заявить об этом (Бурные одобрения слева).

Да, товарищи, мы этому научились у вас,—правда, не у Диттмана, а у Бебеля; он обычно держал такие речи на партийных с'ездах. Это была прекрасная пора германского рабочего класса, когда у него был такой вождь, когда он ничего не боялся, когда его вождь имел смелость высказывать ему правду.

Итак, я спрашиваю: тот, кто говорил подобное от имени Центрального Комитета,—трус он, лицемер, централист? Был ли он диктатором? (Возгласы слева: «Нет, нет!»). Поэтому я, товарищи, и говорю: то, что писал Диттман против меня, говорит за нас, за наш рабочий класс. Да, мы не хотим делать тайны из того, что у нас не все хорошо, что многое даже скверно. Но, товарищи, мы сами себя исцелим, а потому и высказываем друг другу то, что есть. В основе мы— все же, рабочая партия; эта рабочая партия в своем корне здорова, поэтому она принимает вполне спокойно критику, чтобы извлечь из нее, что надо сделать, чтобы улучшить положение. У нас создана особая комиссия, дабы как можно скорее исчерпывать

всякого рода конфликты. Товарищи, мы совершенно спокойно напечатаем эту речь и распространим ее, мы не боимся, что наши братья в Германии или в других странах скажут: «вот видите, они обанкротились». Хотел бы я, чтобы рабочие партии других стран обанкротились таким же образом (Одобрения слева).

В «Красном Знамени» (Rote Fahne) появилась статья тов. Каминского, в которой он высказывает, как свое личное мнение, что не следует совершать революцию в других странах чужим оружием. На нашу конференцию явился представитель Центрального Комитета польской партии и заявил: партия стоит целиком на русской точке зрения. А мы говорим: надо иметь хотя бы столько же чувства солидарности и так же в согласии с ним действовать, как это делает международная буржуазия. Когда она ищет помощи в какой-либо стране, она не заводит речей о том, ее ли это оружие, или нет, но говорит: мы, буржуазия, образуем единый класс, мы должны взаимно поддерживать друг друга. Так и нам следует и думать, и поступать. Если вы стоите у власти и имеете возможность помочь французскому рабочему классу, то это не только ваше право, но и ваша обязанность (Восклицание справа: «Разумеется!»). Вы видите, таким образом, что и это стало международным вопросом. До сего времени только защита велась в интернациональном масштабе: требовали нейтралитета. Теперь, когда пролетарская мировая революция вступает в новую фазу, когда мы входим в новую, с исторической точки зрения, эпоху, когда рабочий класс, и притом в интернациональном масштабе, должен перейти от обороны к наступлению, — уже одной только насквозь нейтралистской и пацифистской обороной ничего не поделаешь; этого недостаточно и не может быть достаточно. Борющийся рабочий класс, если он хочет оказать себе серьезную помощь, должен понять, что мы уже должны

готовиться к нападению со штыками, со всеми возможными средствами в руках. Вот все, что я хотел сказать по этому вопросу.

Позвольте мне теперь перейти к условиям (Иронические возгласы справа: «В самом деле, давно пора!»). Вы говорите: «пора». Прошу извинения, что так распространяюсь, но вы, ведь, сами требовали, чтобы я высказался по некоторым вопросам, да я и должен дать ответ на многие вопросы, не только с высоты этого с'езда, но и с той высокой трибуны, которую представляет теперь Интернационал (Одобрения слева).

Товарищи, я думаю, что первый вопрос, который надо возбудить, это—зачем, собственно, вообще были поставлены эти условия; ведь, абсолютной необходимости ставить их нет. До сего времени как внутри собственной партии, так и во II Интернационале, вопрос всегда понимался так, что мы говорили: чем больше, тем лучше. Значит, для чего же эти условия? Если бы в международном рабочем движении не было такой смуты, такого ужасного кризиса, то нам, право, не надо было бы никаких условий: каждый просто вступал бы в ту партию, в какую хочет. Но, ведь, наша партия не акционерное общество, она есть ассоциация сил рабочего класса, который готовится к битве. Итак, можно было бы очень хорошо обойтись без всяких условий и просто сказать: «все братские партии, входите», и больше ничего. Зачем же появились эти условия? Явились они потому, что рабочий класс с 1914 года и даже еще раньше переживает такой глубокий кризис, что мы не должны о нем забывать. Иногда начинают забывать уже и о том, что у нас была империалистическая война, и что из-за нее происходит у нас эта борьба и этот кризис. Существовал Интернационал, в котором было организовано чуть не 10 миллионов рабочих; рабочий класс всего мира возлагал на него

свои надежды. Но вот пришла война — и все погибло. Многие из наших рабочих похоронили вместе с этим свои лучшие надежды, и тов. Люксембург была совершенно права, когда сказала: «Поразительнее всего то, что после этой страшной катастрофы мы все еще живы, что мы не покончили с собой самоубийством».

Многие товарищи это и сделали, когда разразился этот ужасающий кризис. Разве все это уже миновало? Ничуть. Рабочий класс бродил во мраке, и во мраке того времени мы стреляли друг в друга. Тысячи и тысячи уничтожали друг друга. Теперь война уже кончилась, но не совсем, и кризис также еще не миновал. Мы еще не обрели друг друга, еще продолжается сумбур направлений, и потому прежде всего нужна переоценка всех ценностей. Поэтому прежде всего надо сговориться по вопросу об условиях, нужна лакмусовая бумажка, которая показывала бы, кто действительно наш, а кто нет, кто остался реформистом, а кто хочет быть революционером. Отсюда и условия. Словом, они возникли не из злостности, не из диктаторских вожделений, а из того самого кризиса, который переживает международное рабочее движение. Если бы сейчас нам пришлось основывать Интернационал, мы поступили бы точно таким же образом. Итак, мы были вынуждены выставить известные условия (Возглас справа: «Но не такие!»). А какие же?

Первое условие гласит: «Вся пропаганда и агитация должна носить истинно коммунистический характер и соответствовать программам и постановлениям III Интернационала». Должен вам сказать, товарищи, что, собственно говоря, одного этого положения было бы вполне достаточно для нас (Совершенно верно!»), если бы у нас была гарантия, что дело не останется только при этих словах. Вот Криспин кричит мне: «То-то». Но тот же Криспин вчера ука-

зывал здесь, как на величайшее преступление, на то, что среди товарищей имеется столько скрытых коммунистов (Возглас справа: «Скрытых!»). А открытых? Против открытых, значит, вы ничего не имеете? (Слова: «Очень хорошо!» и смех). Если все наше разногласие сводится к тому, что желательны не скрытые, а открытые коммунисты, тогда мы во всем согласны с вами.

Но, ведь, вы хорошо знаете, что дело обстоит совсем не так. Не хотят именно открытых коммунистов, и еще сегодня здесь было сказано: «Не Германская Коммунистическая партия, а Германская Независимая Социал-демократическая партия должна все делать». И сказано было также: если рабочие завтра узнают, что принятое условие означает: «в Коммунистическую партию!», что это означает: «Вы не должны больше называться Германской Независимой Социал-демократической партией, а—Германской Коммунистической партией, тогда мы пропали!»

Я полагаю, однако, что это не так страшно. Положа руку на сердце, приходится сказать, товарищи, что вы — ни скрытые, ни открытые коммунисты, и не хотите ими быть. Поэтому для вас недостаточно одного этого первого условия. Как уже сказано, после того ужасного кризиса, который мы пережили, на нас лежит обязанность недоверия, обязанность, товарищи, после тяжкого крушения II Интернационала, не довольствоваться одними словами. И ход настоящего партийного с'езда подтвердил это.

Вы говорили, что мы начали здесь агитацию. Что же нам оставалось делать? Криспин вчера выразился, что Исполнительный Комитет разговаривает с братскими партиями так, как разговаривают между собою буржуазные правительства, как Людендорф и т. д. (Возгласы справа: «Гораздо хуже!») Тот же Криспин потом цитировал ноту Каппа и сказал: «вот это вежливо»! Товарищи, мы с правительствами разгова-

риваем иначе, чем с партиями,—мы говорим иногда грубым, очень грубым, может быть, даже чрезмерно грубым языком. Но, ведь, не тон решает. Речь идет о том, есть ли у нас действительно общий путь и желаем ли мы итти вместе по этому пути. Да, мы должны здесь шаг за шагом выработать такие условия, чтобы каждый без труда мог дать себе отчет в том, где он находится. С этой точки зрения вы можете понять эти условия. Вы можете успокоиться на этом первом положении, а для нас до очевидности ясно, что выйдет по другому. Хотят все накрыть одной большой шляпой,— тогда и получится II Интернационал. Хотите вы присягнуть на верность Амстердаму?

Мы должны быть более обстоятельными и выставить определенные условия. Исполнительному Комитету предоставлен известный простор. Там, где мы видим, что дело идет только о формальностях, мы имеем от Конгресса полномочие проявлять в отношении действительно пролетарских элементов широчайшую терпимость (Возглас: «Так вы говорите сегодня!»). Мы и будем держаться этого пути, но только не по отношению к тем элементам, которые вступили на другой путь (Возглас: «Это в отношении к условиям или нет?»). Товарищи, здесь сказано было, что это вопрос о лицах. Исполнительный Комитет имеет право делать исключения (Возглас справа: «Требовать от нас подобное!»). Ни один рабочий не усмотрит в этом оскорбления величества, на это способны только профессиональные вожаки (Возглас. Звонок). Должен сказать, что как раз этот вопрос есть предписание не русских, а остальных наций. Криспин прав; по второму и третьему пункту, действительно, он первый сказал: нам это нежелательно. Затем он взял свое заявление обратно, и тогда Конгресс заставил нас принять этот пункт (Возглас: «Радек говорил, что Конгресс у него в кармане!»). Не знаю, мог ли Радек

сказать что-либо подобное, но всякий, кто был на Конгрессе, подтвердит, что именно 21 пункт был предложен итальянским товарищем Бордига. Мы их и провели, мы полагаем, что в вопросе о парламентаризме Бордига был не прав, но в вопросе о борьбе с реформистскими элементами он был вполне прав и хорошо сделал, что выставил эти условия: большинство конгресса голосовало за них. Если нужны этому доказательства, то лучшее—именно этот партийный с'езд (Аплодисменты слева). Здесь говорилось о «случайном» большинстве; я думаю, с таким же правом можно говорить и о «случайном» значительном меньшинстве (Аплодисменты).

Товарищи, мы ставили вам в упрек, что вы слишком поспешили созвать этот с'езд. Может быть, сегодня и вы того же мнения («Нет!»). Я тоже—нет. Но я знаю, что, чем обстоятельнее будут наши дебаты, тем больше рабочих перейдет на нашу сторону («Совершенно верно!»). Вообще, вы потому только привлекли к себе столь значительное число рабочих, что выдвинули вперед организационные вопросы («Правильно!»).

Поэтому, товарищи, мы говорим: Бордига и итальянские товарищи—правы. Ясно, что это классическое разделение произойдет и в других партиях, и очень хорошо, что германский рабочий класс избавился от этого кризиса, создавши здесь, на с'езде, такое значительное большинство. Я, напр., сегодня получил письмо от одного русского рабочего из левого крыла Германской Независимой Социалистической партии, который пишет: «Я стою за Москву, но не можете ли вы нам иначе формулировать 21 условие?» Повторяю вам: после того, как мы отстоим принципиальные вопросы, мы будем проявлять величайшую терпимость ко всякому рабочему, который в будущем, действительно, будет за пролетарскую революцию (Аплодисменты слева. Возглас справа: «Всякий делает, что может!»).

Я должен выполнить еще одно поручение Исполнительного Комитета (Возглас: «Параграф 21!»). Мне поручено просить партийный с'езд, именно ту его часть, которой наши условия представляются неприемлемыми: будьте добры сказать нам ясно и точно: чего вы желаете, какого рода условия были бы для вас приемлемы? На какие положения, на какие условия вы согласны? (Возражения. Возглас справа: «Отчего вы не говорили нам этого три недели тому назад?»). Вчера я по этому поводу сделал то же самое возражение тов. Лонге. Он тотчас же сказал мне, какие из условий он считает неприемлемыми. При таких-то и таких-то условиях они были бы *за*. (Возглас: «Отступление!» Сильное волнение. Возглас: «Отчего не раньше?» Возглас Криспина: «Замазывание!») Криспин полагает, что у нас только теперь прорвался страх за условия. У меня нет никаких оснований быть недовольным условиями, но я полагаю, что ваш интернациональный долг уважить наше ходатайство, нашу просьбу (Возглас справа: «Вы уже давно могли это сделать! Отчего вы не прибыли еще три недели тому назад?») Документ вам известен. В рамках такого представительства, каким вы являетесь, можно было бы формулировать: при таких-то и таких-то условиях мы за III Интернационал, мы за такие-то и такие-то положения (Шум справа. Возглас Криспина: «Это уж черезчур!» Звонок. Возглас: «Плуты вы!» Звонок). Я думаю, товарищи, что в этом отношении мы не требуем ничего особенного. Если, напр., швейцарская партия сейчас решает еще раз вступить с нами в переговоры, то это, конечно, смешно, ибо швейцарцы уже шесть раз меняли свои решения, но, товарищи, Исполнительный Комитет обязан еще раз войти с ними в переговоры. Мы так и сделаем (Возгласы справа; возгласы слева). Товарищи, я уже раньше говорил вам... (Восклицание Радке: «Вы хуже жидов-барышников!»)

Председатель Брас: «Прошу вас, дайте же говорить оратору» (Сильный шум справа. Возглас Радке). Если вы не хотите слушать, можете выйти отсюда! («Браво!» Возглас Кюнстлера: «Быть председателем, и говорить нам такие вещи! Дурацкая игра!») Я сказал товарищу Радке, что если он не хочет слушать, пусть удалится («Правильно!» Аплодисменты. Возглас слева).

Зиновьев продолжает: Товарищи, мой долг передать вам предложение Исполнительного Комитета. Само собой разумеется, ваше полное право — его отклонить. Но вы, однако, поймете, что я должен передать предложение Исполнительного Комитета и полагаю, что вы на меня за это не посетуете.

Теперь перехожу к заключению. Я хотел бы только сказать кое-что о составе Исполнительного Комитета и о партийных отношениях в Германии. Вы все говорите о русской «диктатуре». Сегодня появилась даже статья под заглавием: «Московский кнут». Мне кажется, что после того, как наши страны четыре года находились в войне друг с другом, следовало бы с «кнутом» быть осторожнее. В результате этого может быть только пробуждение националистических инстинктов.

«Я должен заявить, что Исполнительный Комитет состоит из пяти членов от Российской партии и тринадцати членов от прочих партий. Вам известно, что тов. Клара Цеткин представляет сейчас германских товарищей в Москве, и я надеюсь, что добрая часть рабочего класса скажет, что она с полным правом могла бы быть представительницей германского рабочего класса в Исполнительном Комитете («Правильно»).

Вспомните, II Интернационал, к которому вы хотите принадлежать, находился в Брюсселе, а товарищ Криспин отправился же в Люцерн (Возглас Криспина: «Неправда! Мы хотели, чтобы нас выслушали, я уже в Москве это установил. Это не-

правда!» Волнение). Факт, что официальные представители вашей партии участвовали в заседаниях II Интернационала («Совершенно верно»!). Как же это случилось? В Брюсселе, собственно говоря, бельгийцы, т.-е. небольшая партия, заведывали вашими делами (Возражения). Заседания Международного Социалистического Бюро происходили очень редко. Лишь тогда, когда возникали важные вопросы, их не предоставляли Исполнительному Комитету. Почему вы так поступали? Потому, что оппортунисты в Германии, Франции и России полагали, что совершенно безразлично, бельгийские ли оппортунисты, или какие другие будут заведывать делами (Сильное волнение).

На первых порах мы имели в виду только десять партий. В настоящее время в Исполнительном Комитете представлены 13 партий. После Конгресса присоединились еще 3 партии. Исполнительный Комитет состоит теперь из 16 представителей. Было внесено предложение, чтобы русские одни несли на себе всю ответственность. Мы это отклонили, хотя для нас, разумеется, это была бы великая честь; мы это отклонили, так как должны иметь Интернационал другого рода, мы должны прежде всего установить связь с прочими странами. Криспин может подтвердить, что и другие товарищи иногда играли руководящую роль на конгрессе в Москве. Если вы перенесете Исполнительный Комитет в Германию или в Берлин, мы первые почтем это за счастье для себя. Мы это уже и говорили («Слушайте! Слушайте!» Аплодисменты слева). Товарищи, мы это говорили, и это вовсе не были одни только слова. Мы хорошо знаем теперь, какая ответственность лежит на нас. Я спрашиваю вас: где же остаются другие страны, другие партии, которые хотят пользоваться доверием? Мы будем рады, если в ближайшее время, к пятидесятилетней годовщине Парижской Коммуны, у французских рабочих будет Советская власть, если они образуют великую

партию, и мы сможем тогда перенести Коммунистический Интернационал в Париж (Возглас справа: «Крикун!»). Как уже было сказано, никаких диктаторов нет. Товарищи, подумайте только, что вы нам приписываете? Для чего нам диктаторы? Неужели вы, в самом деле, думаете, что мы настолько глупы, чтобы считать, что стоит нам только нажать кнопку, чтобы все стали плясать? Дошло до того, что делались заявления, будто мы хотим сейчас же втравить германских братьев в войну с Францией (Возглас справа: «Да!»). Это, ведь, неслыханно, абсолютно неслыханно! («Правильно!»). В брошюре Ленина, в тысячах документов мы заявляли, что если власть попадет в руки германского рабочего класса, то он хоть со скрежетом зубовным, но должен будет в течение известного времени терпеть Версальский договор («Слушайте! Слушайте!»). Разве это значит втравливать в войну? (Возражения) Товарищи, в Москве тов. Криспин и Дитман говорили, что вы сделали ошибку в вопросе о мире (Возглас: «Какую?»). Если бы власть в тот момент перешла в руки рабочего класса, то он, быть может, был бы обязан заключить новый Брестский договор. Но власть попала в руки шейдемановцев, то-есть, в руки буржуазии, которая все равно желала заключения мира, мир уже был у нее в кармане. Хитрая лиса Шейдеман, правда, притворился в последнюю минуту, будто он лично против этого. Он хотел спасти свою честь. Вы также до последней минуты стояли за мир, и это облегчило Шейдеману его заключение. Зачем нужно было вам брать на себя ответственность? Вы не в состоянии были произвести революцию, но вы должны были заявить, как заявили мы в 1915 году: когда у нас есть возможность, мы ведем пролетарскую революционную войну; но когда этой возможности нет, нам ничего не остается, как покориться на время, терпеливо выжидать, заключить с империалистами мир и таким образом пойти на компро-

мисс. У вас не было в руках власти. Власть была скорее в руках буржуазии. Вот эту-то маленькую разницу вы, товарищи, и проглядели. Никогда бы мы не осмелились сказать вам: ведите войну! Мы уже сами знаем, что это такое (Аплодисменты слева). Мы знаем, что это не прогулка, что война связана с большими тягостями для рабочего класса, мы знаем, что вытерпел рабочий класс.

Мы говорим: надо сперва взять власть в свои руки, и от Интернационала в Европе и во всем мире будет зависеть, как долго нам еще придется терпеть Версальский мир,—и французский рабочий класс должен нам скорее прийти на помощь! Так обстоит это дело (Возражения). Мы никогда не требовали, чтобы немцы начали войну (Возглас справа: «Красное Знамя» твердит это ежедневно!»). Признаюсь, по вопросу о мире я читал один исторический документ, который исходит от Германской Коммунистической партии. Это блестящий документ, от начала и до конца научный и пролетарский. Там было сказано, что мы не несем ответственности за мир, что нам надо прежде всего исполнить другую задачу, а именно: сплотить рабочих против буржуазии.

Мы не хотим от вас требовать: «Начинайте снова войну, или сделайте завтра же революцию!». Но мы требуем подготовки и систематической пропаганды, не против коммунизма, но за коммунизм, не против революции, но за революцию. Это единственно действительное условие.

Товарищи, я это высказал уже в своем первом письме. Не только русские, но 16 партий, кроме них, представлены в Исполнительном Комитете III Интернационала. На это нам ответили, что это все наши *стипендиаты*. Разве это было вежливо или по-пролетарски? (Возражения).

С гордостью заявляю сегодня: мы, наконец, теперь в состоянии оказывать некоторым из брат-

ских партий также и материальную помощь (Слева: «Браво!»). Когда вы, германский рабочий класс, помогали нам в 1905 году и позднее, тогда у нас было по этому поводу совсем другое чувство, чем теперь, после пропаганды Диттмана. Ведь, это ясно. Когда венгерское пролетарское правительство послало некоторую сумму итальянским братьям, то итальянские товарищи гордились венгерцами, и мы также. Товарищи, я глубоко убежден, что и вы исполните ваш долг, когда у вас будет пролетарское правительство и в ваших руках будет государственная казна. Я убежден, что если дело дойдет до этого, вы поступите точно так же.

Ясно, что Исполнительный Комитет именно в настоящее время есть такая организация, какой мы никогда раньше в Интернационале не имели,—организация, в которой 16 партий работают изо дня в день, каждое воззвание совместно обсуждают и создают Интернационал действия. Вы все говорите: «Интернационал действия! Что это значит: Интернационал действия?» Без централизации, без дисциплины, какое же это было бы действие? Это были бы одни слова. Я произнес в Москве речь о роли партии и о централизации партии. Тогда Криспин и Диттман поздравили меня, говоря, что это хорошая речь, что она в духе Независимой Социалистической партии (Возглас Криспина: «Да, я сказал, настоящая речь в духе Германской Независимой Социалистической партии!»). Правда, я тотчас же спросил товарищей, не наговорил ли я чего-нибудь очень уж оппортунистического? Но меня уверили, что это было не так уж плохо. Позже я перечитал свою речь и должен сказать, что она не так уж плоха. В этой речи в духе U. S. P. D.,[1]) вы уже можете найти заявления и о цен-

[1]) «Unabhängige Social-Demakratische Partei Deutschlads» (Независимая Соц.-дем. партия Германии).

трализации, и о сплочении. Если Германская U. S. P. такова, то и я сам ее приверженец. Почему бы и нет? (Смех). Но почему же вы приходите теперь и говорите как раз обратное? Зачем вы приходите теперь с историей о кнуте? Как опасна эта история, вы сами увидите, если я вам прочту одно место из французской империалистической газеты «Le Temps», т.-е. из самого умного органа французской буржуазии, органа Клемансо. Там, в номере от 30 сентября, по случаю конгресса синдикалистов в Орлеане, помещена была статья, озаглавленная: «Спор социалистов», и в ней, между прочим, сказано: «Когда Ленин исключил из коммунистического движения Всеобщую Конфедерацию труда, запретил ей вступление в III Интернационал и, наконец, провозгласил, что в борьбе против существующего общества синдикализм должен быть взят на буксир политического социализма, он этим вызвал раз'единение тех двух элементов, которые борются между собою из-за руководства рабочим классом. Способ, каким московские коммунисты ставят вопрос, оставляет синдикалистским вождям только одно из двух: или склониться перед социалистической тиранией, или окончательно порвать с политическим социализмом».

И еще было сказано: нельзя же уничтожить U. S. P. Как будто, дело идет об умерщвлении партии. Зачем это страшное раздражение? Речь идет не об умерщвлении и не об уничтожении, а только о том, чтобы вы не укрывали у себя тех элементов, которые не коммунистичны или только хотят быть коммунистичными. Вы должны стряхнуть их и превратиться в действительную коммунистическую партию. И наша партия называлась раньше «социалистической». И мы себя когда-то «умерщвляли» и «уничтожали». И это было тоже не легко.

Говорят также, будто мы требуем, чтобы вы распустили себя и сошли со сцены. Кому это и зачем

нужно? Дело скорее идет о том, чтобы подвести итог классовой борьбе последних двух лет. Вы все говорите о каком-то московском «диктаторстве», но дело обстоит совсем не так. Ведь, уже в Лейпциге ожидали, что многие из вас не захотят присоединиться к Интернационалу, следовательно, не московское «диктаторство» является причиною вашего раскола, но германские националистические тенденции (Громкие одобрения). И вот теперь пора, наконец, подвести итог, и пусть не приходят и не говорят, что всему виною московские условия. Виною что-то совсем другое. Диттман говорит: не подходит нам называться Коммунистической партией. Надеюсь, что германские рабочие уже достаточно просвещены, чтобы не стыдиться имени той партии, которая была образована Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург (Шумные одобрения).

То, что мы теперь предлагаем, это слияние всех коммунистических элементов в Германии: Германской Независимой Социал-демократии, Германской Коммунистической паршии, и, — я хотел бы прибавить в духе поручения, данного мне Исполнительным Комитетом — также и пролетарских элементов из Германской Коммунистической Рабочей партии, которые имеются во многих городах. Это — хорошие пролетарские элементы, которые, как я твердо в том убежден, вполне наши и хотят участвовать в единой Коммунистической партии. В Германии наступает сейчас коренной партийный переворот, переслоение, имеющее историческое значение для всего рабочего класса. Я твердо убежден, что событием огромной важности для рабочего класса явится об'единение всех коммунистических элементов в рамках единой Коммунистической партии, которая составит секцию Интернационала. Поэтому, позвольте мне закончить восклицанием из глубины сердца: *Да здравствует единая Коммунистическая партия, об'единяющая все элементы*

во всех странах мира, решившаяся на революционную борьбу. Да здравствует Коммунистическая партия во всех этих странах и да здравствует пролетарский Интернационал, III Интернационал всемирного пролетариата! (Бурные одобрения, продолжающиеся несколько минут).

Председатель Брас: Порядок дня исчерпан. Завтра мы будем продолжать работу. Партийный с'езд прерывается.

Делегаты медленно покидают зал с пением «Интернационала». Зиновьев восклицает: «Да здравствует германский пролетариат!» (Крики: «Ура!»).

Товарищи!

Дебаты показали совершенно ясно, что присоединение правых вождей партии Независимых к Третьему Интернационалу есть вещь невозможная, и вовсе не потому, что мы приняли не 18, а 21 условие, но потому, что для этого недостает *единственного* и самого важного предварительного условия, а, именно, того, чтобы эти правые вожди на самом деле серьезно относились к коммунизму и к пролетарской революции. Этого предварительного условия нет налицо, и *поэтому* и *только* поэтому мы не можем столковаться. Правые вожди Независимой Социалистической партии *не желают* примкнуть к Коммунистическому Интернационалу. И Коммунистический Интернационал, с своей стороны, тоже не желает иметь в своей среде этих правых вождей.

Он послал меня сюда, чтобы добиться программной, принципиальной дискуссии. Мы должны прямо заставить правых вождей не отсиживаться в области мелких организационных вопросов, а определенно высказать свое отношение к важнейшим вопросам, решающим судьбы мировой революции. Это было также целью наших друзей, товарищей из левой Независимой Социалистической партии, *и этой цели мы достигли*. Правая сторона партейтага приветствовала вчера восторженно программную речь меньшевика Мартова.

Речь Мартова распадалась на две части. Одна была обвинительным актом против Советского правительства, другая обвинением против «наивной, ре-

лигиозной веры масс в немедленную победу социализма», как выражался Мартов, т.-е. обвинением массового движения революционного коммунистического пролетариата всего мира. О первой части, которой предназначено было стать бомбой, брошенной в Российское пролетарское правительство, я выскажусь позднее. Сперва поговорим о второй, гораздо более важной. В этой части своей речи Мартов в главных чертах говорит то же самое, что говорил в своей речи, направленной против меня, представитель правой Независимой Социалистической партии Рудольф Гильфердинг.

Когда мы посылаем правым вождям упрек в том, что они не умеют итти вместе с массами, что они задерживают их революционную борьбу, то Рудольф Гильфердинг называет это «грязной конкуренцией в радикализме». Великая проблема о том, что нам следует делать, чтобы итти во главе масс в их тяжелой, полной страданий борьбе, эта проблема в глазах такого правого вождя, как Гильфердинг, сводится к мелкой конкуренции в радикализме. Что же это доказывает? Это доказывает только, что Гильфердинг, так же, как и Мартов, совершенно не понимают борьбы масс, что они дышат не тем воздухом, каким дышат рабочие массы, что они не только не идут впереди масс, но пытаются толкать их назад.

Мартов в своей речи говорил много раз об этой «наивной религиозной вере масс». Величайшее несчастье движения он видел в том, что рабочие массы в настоящее время, под влиянием большевизма, как он полагает, «фанатизированы» и питают надежду, что социализм может скоро осуществиться. Товарищи! Как может настоящий социалист жаловаться на то, что такая вера существует в массах? Я думаю, что нам отнюдь *не* подобает жаловаться на это. Мы должны не сожалеть об этом, но напротив, *мы должны* этому радоваться.

В действительности, так называемая, наивная религиозная вера пролетарских масс является важнейшим революционным фактором мировой истории. Без этой, так называемой, наивной религиозной веры и без этого, так называемого, большевистского фанатизма пролетарская революция была бы *невозможна*. Этот, так называемый, фанатизм масс есть *душа* всего нашего пролетарского движения, это—важнейшая движущая сила мировой революции. Отнюдь не сожалеть мы должны об этом явлении, но *приветствовать* его. И как могут думать об этом иначе Мартов и Гильфердинг? Как может наступить исторический мировой переворот, как можем мы добиться победы пролетариата над всем капиталистическим миром, если массы не выступят в борьбу с воодушевлением, отдаваясь ей всею душою, с твердой надеждой, с непоколебимой уверенностью в победе?

Товарищи, уже в первой моей речи я указывал на то, с чем покойный Август Бебель неоднократно обращался к германским пролетарским массам. Вы, старые бойцы германского движения, вы помните, чем Август Бебель был так дорог и так близок широким пролетарским массам Германии и всего мира. Что создало ему нежную привязанность широких рабочих масс Германии и всего мира? Именно его пламенная «фанатическая» вера в скорую победу социализма, его страстная и наивная, как Мартов нынче, пожалуй, скажет, религиозная уверенность в том, что час буржуазии близок, что рабочие массы победят буржуазию.

Товарищи! Вспомните историческую минуту, когда Август Бебель, в свои старые дни, на одном партийном с'езде, глубоко взволнованный сказал: «Я убежден, что все мы, находящиеся здесь в зале, еще доживем до победы социализма». Вспомните, как такие заявления Бебеля вызывали всегда величайший энтузиазм лучших пролетарских элементов в германской партии. И вот, товарищи, Бебель сказал это за несколько лет

перед империалистской войной. Затем пришла эта война, наступил страшный экономический кризис, пришли «сумерки богов» буржуазного общества, как часто выражался тот же Август Бебель. И ныне, когда уже наступили эти сумерки богов, ныне, когда через массы, действительно, прошел электрический ток коммунистического энтузиазма, ныне приходят вожди, подобные Мартову и Гильфердингу, и хотят обдать холодным душем, так называемые, фанатизированные пролетарские массы. Ныне нам говорят, что этот, так называемый, религиозный фанатизм масс не что иное, как реакционное явление!

Как представляют себе Мартов и Гильфердинг победу пролетарской революции? Думают ли они, в самом деле, что достаточно будет добрым, старым, заслуженным вождям принять резолюцию на партийном с'езде, написать несколько толстых томов, так называемых, научных трудов по научному социализму или произвести голосование в каком-нибудь национальном собрании, — и социализм будет готов? Нет, товарищи, только реформисты, только такие люди, которые совершенно не понимают внутренних душевных движений нашего класса, глубоких настроений пролетарских масс, могут так говорить, как говорили здесь Мартов и Гильфердинг. Нет, нам не зачем сожалеть о наивной, «фанатической» вере масс в скорую победу социалистической революции, наоборот, нам следует приветствовать ее. Нам следует развивать ее дальше, мы должны стать во главе этой, так называемой, фанатизированной массы. Ибо, товарищи, на самом деле в этой уверенности вовсе нет ничего наивного, нет ничего религиозного; напротив, наивны те, которые полагают, что такого рода переворот, каким является пролетарская революция, может совершиться без яркого энтузиазма пролетарских толп, наивны те, которые полагают, что можно уничтожить капита-

лизм без гражданской войны. Наивны и охвачены реформистскими идеями те, которые полагают, что можно социал-пацифистскими средствами совершить пролетарскую революцию; наивны и буржуазно-религиозны те, которые полагают, что, так называемой, старой испытанной тактикой и изречениями из Эрфуртской программы можно сделать пролетарскую революцию. Мартов и Гильфердинг, и вообще правые вожди всех стран, делают упрек массам: У вас слишком много фанатической веры в победу пролетарской революции! Да, товарищи, я думаю, что с гораздо большим правом пролетарские массы могли бы вернуть обратно этот упрек и сказать реформистам и всем этим правым вождям: Послушайте вы, вожди,—почему у вас слишком *мало* веры, слишком *мало* фанатической уверенности в победе нашего святого дела, в нашей пролетарской борьбе, в нашей конечной цели, в нашей диктатуре, в нашей скорой и окончательной победе?

Правые вожди не верят в пролетарскую революцию. Я пытался доказать это в моей первой речи. И что же, товарищи, разве не были все речи Мартова и Гильфердинга блестящим доказательством моих утверждений? Не доказали ли они, что им, действительно, недостает этой веры?

Товарищи, в Англии существует уже несколько десятков лет очень интересная группа реформистских интеллигентов, которую можно рассматривать, как классический тип вождей реформизма. Это группа фабианцев, тех идеологов реформизма, которые тоже как раз высмеивают, так называемый, религиозный фанатизм масс, которые хотят двигаться вперед медленно и нечувствительно, а в действительности, как раки, пятятся назад. Эти фабианцы — научно образованные люди; они, все-таки, верят, что революция, может быть, и придет лет через пятьдесят; они—типичные *кунктаторы*. Им хочется, чтобы

и массы не так быстро двигались вперед. Фридрих Энгельс, товарищи, во время своего пребывания в Лондоне, очень хорошо изучил этот сорт тамошних реформистов.

Я не утверждаю, что все правые независимые — фабианцы. Я должен, конечно, согласиться, что среди правых независимых имеются различные, в том числе и более революционные оттенки. Но теоретики, во главе с Каутским, очень приблизились теперь к идеологии фабианцев. Социал-пацифизм — это, ведь, то же самое, что фабианизм. Позвольте мне процитировать следующие строки, исходящие от Фридриха Энгельса. В письме, которое 31 декабря 1892 года он писал Зорге из Лондона, он говорит — я цитирую дословно:

«Здесь, в Лондоне, фабианцы составляют группу людей (Энгельс назвал их грубее), у которых хватает ума предвидеть неизбежность социального переворота. Они считают, однако, невозможным доверить эту гигантскую работу одному грубому пролетариату и потому имеют привычку становиться во главе его. Страх перед революцией — их основной принцип. Они — интеллигенты par excellence... Среди всякой дряни они с большим прилежанием написали несколько хороших агитационных вещей, — правда, лучшее, что сделали в этой области англичане. Но, как только они возвращаются к своей специфической тактике: затушевывать классовую борьбу, — они становятся никуда негодны. Отсюда и их фанатическая ненависть к Марксу и к нам, — все из-за классовой борьбы» (стр. 390).

Это, товарищи, слова Фридриха Энгельса. Я не хочу целиком отнести к современным реформистам все то, что сказал Энгельс про фабианцев. Среди реформистов могут быть люди, которых нельзя характеризировать так беспощадно, как это сделал Энгельс. Но, всетаки, если мы внимательно и хорошенько присмотримся к ненависти некоторых правых вождей к коммунистическому движению, то должны будем

повторить: *боязнь революции и теперь является руководящим принципом многих интеллигентов-оппортунистов.*

Да, товарищи, я вас спрашиваю, что же иное, как не это, звучало в речи Мартова,—как не эта страшная боязнь перед грядущей, великой, в некоторых своих проявлениях жестокой, но, все же, освобождающей человечество революцией? И не та же ли самая боязнь звучала и в речи Гильфердинга?

Еще одно, товарищи. Есть не только ученые, не только интеллигенты, возводящие эту боязнь в свой основной принцип, но есть и небольшая часть рабочих, которая ту же боязнь перед революцией возвела в свой основной принцип. Это рабочая аристократия, это та незначительная численно, но крайне важная политически часть рабочих, которую Маркс и Энгельс назвали рабочей аристократией и которая теперь становится реакционным фактором в нашем освободительном движении.

Здесь я подхожу ко второму важному вопросу нашей дискуссии, вопросу *профессиональному*. Не случайность, товарищи, что в течение двух самых решительных дней наших прений, нас больше всего «прорывало», когда мы подходили в наших речах к, так называемому, Интернационалу профессиональных союзов. В настоящее время это вопрос жизни для всего движения. Я уже отмечал, что ни Криспин, ни Дитман не говорили в Москве ни слова по поводу наших нападок на этот интернационал. Теперь же произошло иное, и ясно, что это не случайно: ведь, старые реформистские профессиональные союзы—убежище рабочей аристократии. Жуо, Легины, Эпплтоны, Удегесты и Самуилы Гомперсы—и есть идеологи рабочей аристократии. Эта рабочая аристократия, само собою разумеется, выставляет боязнь революции своим основным принципом. Все умные лидеры буржуазии это отлично понимают. Потому-то они и поддерживают

изо всех сил аристократические элементы рабочего движения, потому-то они и видят в старых реформистских профессиональных об'единениях оплот себе и поддержку.

Во избежание ложных толкований, еще раз заявляю то, что мы уже сто раз заявляли в Коммунистическом Интернационале: мы не говорим, что все профессиональные организации, примкнувшие к Амстердамскому Интернационалу профессиональных союзов,—желтые организации. Ни в коем случае! Мы великолепно знаем, что сотни тысяч и миллионы рабочих, сорганизованных вокруг этого Интернационала, вовсе не желтые, но настоящие рабочие и пролетарии, которые только не вполне еще сознали свою историческую роль. Мы выставили лозунг: не выходить из профессиональных организаций, а оставаться в их среде, и там изо дня в день вести политическую и пропагандистскую работу, вести систематическую пропаганду против реформизма и этим путем освободить профессиональные организации от ярма буржуазной идеологии и реформизма рабочей аристократии. И мы будем это делать, что бы ни случилось.

Но вы, товарищи, должны обратить внимание на то, что вожди рабочей аристократии уже начинают исключать коммунистов из профессиональных организаций. Рабочая партия (Labour party) в Англии, являющаяся, в сущности, профессиональной организацией, постановила не принимать коммунистов. В Германии уже проявляются тенденции к исключению коммунистов из профессиональных организаций за то, что они намерены создавать внутри профессиональных организаций коммунистические ячейки. Пусть только попробуют нас исключать! На этом реформисты сломят себе шею. Если Легин и его единомышленники или Жуо и его подголоски захотят нас исключать, потому что мы организуем коммунистические ячейки, то мы, все же, будем их

организовывать, раз это нужно, тайно, и не только от буржуазии, но и от Жуо и Легина, и рано или поздно, но массы членов профессиональных организаций,—те самые массы, о которых Мартов говорит, что они заражены религиозным финатизмом и наивной верой,—будут принадлежать нам. Амстердамский Интернационал в профессиональной области есть *то же самое,* чем был брюссельский или женевский II Интернационал в политической области. Амстердамский Интернационал есть *часть II Интернационала.* При иных условиях, может быть, с помощью иных средств, но в общем мы должны применить к нему те же методы, какие в политической области применили ко II Интернационалу. Как в области политической мы уже освободили от реформизма основное ядро рабочей массы, точно так мы будем действовать и в профессиональной области. Если вы в Германии собираетесь серьезно и до конца поддерживать амстердамский Интернационал, то у вас неизбежно дело дойдет до образования своего рода Лэбор парти, т.-е., расплывчатого, полу-политического, полу-профессионального, полу-парламентского, полу-экономического реформистского об'единения, которое будет проводить политику рабочей аристократии, а не пролетарских масс. Теперь в Германии и в профессиональной области предстоят большие битвы. Мы с уверенностью и доверием смотрим на них. Не раскол рабочего движения будет их результатом, но консолидация, освобождение профессионального движения от реформизма и идеологии рабочей аристократии.

Позвольте мне теперь возразить еще на то, что говорилось здесь против Советского правительства России.

Правые независимые в своей резолюции, предложенной ими С'езду, заявляют, что они готовы и впредь поддерживать Советское правительство России. Но

вместе с тем они с видимым сочувствием присоединились ко всем обвинениям против Советского правительства, которые выдвигал здесь вождь меньшевиков Мартов. Ваше полное право, товарищи, быть меньшевиками. Но только тогда вам не следует этого отрицать, вы должны это открыто сказать. Обвинения, выдвинутые Мартовым, вы сможете понять тогда только, когда вы узнаете, *чем был меньшевизм в России.* Позвольте мне, хотя бы кратко, набросать вам ход развития меньшевизма.

Товарищи, уже в начале революции 1905 года меньшевики изменили революции. Уже во время той первой революции они соединились с русской либеральной буржуазией, так называемыми, кадетами против большевиков, против рабочего класса.

Потом наступила контр-революция. И тогда их измена революционному движению России еще углубилась. Они выступили с предложением ликвидировать нашу нелегальную партию. Они открыто требовали, чтобы мы стали реформистской партией.

Затем пришла война. За некоторыми исключениями, основное ядро меньшевизма в России (Мартов в то время был эмигрантом и жил за границей) выступило за империалистическую войну, поддерживало царское правительство, которое ее вело, и пыталось заразить русский рабочий класс самым пошлым шовинизмом.

Потом наступила февральская революция 1917 года. Реформизм немедленно соединился с буржуазией против большевизма, против рабочего класса. Меньшевики требовали продолжения империалистической войны. Они придерживались совершенно той же политики, как Шейдеман и Носке в Германии. Вместе с социалистами-революционерами они подготовляли знаменитое июньское наступление на германском фронте, стоившее нам десятков тысяч жизней русских рабочих и крестьян. Вместе с буржуазией, по-

мещиками и банкирами (в роде министра Терещенко) образовали меньшевики, так называемое, коалиционное правительство. Вместе с буржуазией они преследовали наши газеты, запрещали «Правду» и разгоняли нашу организацию. В июльские дни 1917 года коалиционное правительство организовало погромы против большевиков. Меньшевистские министры, как Церетелли и др., несут ответственность за то, что делало в 1917 г. в Петрограде коалиционное правительство. Меньшевики вместе с социал-революционерами подготовляли разоружение петроградского и московского пролетариата. В июльские дни 1917 года меньшевистское правительство пыталось выдать тов. Ленина, Троцкого, Коллонтай, Луначарского, меня и других за шпионов и агентов германского монархического правительства Вильгельма II и возбуждало против нас массы. Троцкий, Каменев и др. были арестованы. Меньшевики всеми силами саботировали пролетарскую Октябрьскую революцию.

После Октябрьской революции значительная часть меньшевиков, так называемая, фракция активистов, с оружием в руках боролась против пролетарской революции. Член Центрального Комитета партии меньшевиков Майский был членом контр-революционного правительства в Самаре, а именно, министром труда. Таким образом, меньшевики принимали участие и в контр-революцонном правительстве, образовавшемся в Самаре во время чехо-словацкого восстания белогвардейцев, и т. д., и т. д. Вот в коротких чертах ход развития меньшевизма, являющегося тем же, чем для Германии является партия Шейдемана; S. P. D. [1]) равняется S. P. R. [2]). И именно поэтому меньшевизм изжил себя в России. Мартов может иметь успех среди правых независимых в Галле, но

---

[1]) Германская социал-демократия.

[2]) Российская социал-демократия.

он не может иметь успеха на пролетарском собрании в России, и это потому, что русские рабочие отлично знают, что меньшевики, в целом, сделали в России тоже самое, что Шейдеман и Носке—в Германии. Да, мы *должны были* преследовать меньшевиков. Но если меньшевизм в России уничтожен, то вовсе *не* одними преследованиями. Большевизм в первый период нашей революции тоже сильнейшим образом преследовали, тем не менее, его не смогли искоренить. Наоборот, чем больше было преследований, тем сильнее становился большевизм. С меньшевиками было как раз обратное, потому что *рабочие в России знали и ненавидели контр-революционную политику меньшевиков.*

Теперь вы поймете обвинения Мартова, партия которого в России для рабочего класса больше не существует, и потому так фанатически нападает на нас. Мартов забыл вам сообщить, что он, все же, несмотря ни на что, получил паспорт для поездки на ваш партийный с'езд, *хотя наше правительство великолепно знало, что он здесь скажет.* Мы не боимся обвинений, пред'являемых нам Мартовым; пусть польские буржуазные газеты напечатают, что он говорил о нас—они это, конечно сделают—пусть анти-большевистские газеты всего мира напечатают обвинения, пред'являемые нам Мартовым. Рабочие поймут, что это те же обвинения, которые пред'являет Шейдеман германским революционным рабочим.

Мартов утверждал, что Второй Конгресс Коммунистического Интернационала не занимался вопросом о русско-польской войне. Это неверно, как неверно и многое другое, что он говорил.

Первое же воззвание, выпущенное Конгрессом Коммунистического Интернационала к рабочим всего мира, было посвящено именно русско-польской войне. Правда, воззвание это на Конгрессе особо не обсуждалось, но только потому, что для социалистов было тогда ясно,

как ясно и теперь, что русско-польская война — оборонительная война русских рабочих против польских капиталистов, и что рабочие всего мира должны поддерживать Советскую Россию.

Мартов, а также и Гильфердинг, Криспин и Диттман утверждали, что мы, коммунисты, желаем новой войны, хотим втянуть в нее германских пролетариев. Я еще раз заявляю: это — неправда, это названными ораторами не доказано. Но, товарищи, сегодня я получил из Парижа французскую социал-патриотическую газету «La Vie Socialiste» (Социалистическая Жизнь) от 9 октября. Там можно прочесть: «Принадлежать к III Интернационалу значит подготовлять новую войну». Кто же это говорит? Господин Ренодель — французский родной брат господина Шейдемана. Это что-нибудь да значит.

Правые независимые заявили, что они и впредь будут поддерживать русское Советское правительство. И одновременно «Фрейхейт» поместила вчера воззвание под заглавием: «Новый тиран, крик о помощи армянских социалистов». Кто эти армянские «социалисты»? Это те же шейдемановцы, люди совершенно той же масти, что и польские социал-патриоты под предводительством Дашинского. Армянские социал-предатели пишут — цитирую дословно: «Центральный Комитет рабочей партии доводит означенные факты до сведения *Международного Социалистического Бюро*».

Товарищи, что такое, так называемое, Международное Социалистическое Бюро? Это бюро II Интернационала. Армянские социал-патриоты находятся во II Интернационале. И это вполне логично: они члены II Интернационала, потому что они — носкисты, потому что они — то же, что и польские Дашинские. Говорят, что будут поддерживать Советское правительство и вместе с тем помещают на первом месте это воззвание против русского пролетарского правительства. От такой «поддержки» Советскому правитель-

ству мы легко можем отказаться. Так называемая, армянская демократия и, так называемая, армянская рабочая партия — только орудие *Антанты*. Она пытается теперь поддерживать «Фрейхейт». «Фрейхейт» вчера в статье «Открытая карта» писала следующее: «В своих (т.-е. в моих) раз'яснениях необходимости пробуждения закабаленных народов Востока и их борьбы против англо-французского империализма, он (т.-е. я) показывает очень хорошее понимание как психологии азиатских народов, так и практических нужд советской политики, которой *нужно* освободительное движение народов ислама для того, чтобы произвести давление на английское правительство». Я цитировал дословно. Теперь я спрашиваю вас, товарищи, правда ли, что только Советскому правительству нужно это освободительное движение народов ислама? А *германский* рабочий класс, а рабочий класс *всего мира*,— разве они не нуждаются в этом освободительном движении народов ислама против Антанты, против буржуазии всего мира? Итак, товарищи, вы видите и здесь, насколько «Фрейхейт» готова «поддерживать» Советское правительство. О *такой* поддержке мы не просим, и мы прямо говорим: если «Фрейхейт» помещает воззвания, обращенные ко II Интернационалу, то это только доказывает, что она становится органом II Интернационала, *анти-большевистским органом*. По этому поводу скажем спокойно: столько сотен анти-большевистских газет существует уже на свете, так пусть и в Берлине будет еще одна анти-большевистская газета, именующаяся «Фрейхейт», газета, которая, быть может, не всегда будет в руках реформистов.

Перехожу к последнему вопросу, к вопросу «об условиях». Письменная декларация, которую Гильфердинг подал от имени правых, в сотый раз доказала, что для правых вождей важны не условия, а программ-

ные вопросы о диктатуре пролетариата, мировой революции, профессиональных союзах и т. п. После того, как правые независимые открыто присоединились к меньшевизму, абсолютно нет никакой нужды спорить с ними об отдельных пунктах.

Гильфердинг цитировал в своей речи слова, сказанные покойной Розой Люксембург в 1904 году, т.-е. *16 лет* тому назад, тогда, когда различие между большевизмом и меньшевизмом совсем еще не выявилось. Такие цитаты не имеют совершенно никакой цены. С гораздо большим правом мог бы Гильфердинг цитировать то, что Троцкий говорил против нас, может быть, еще в 1916 году. Да, было некогда положение, когда было еще не ясно, что меньшевизм равносилен реформизму, и многие революционеры заблуждались относительно характера меньшевизма. Но теперь, во время революции, сотни лучших меньшевистских элементов ежедневно переходят к нам. Во всяком случае, воспоминанию о нашем вожде и учителе Розе Люксембург я обязан тем, что имею теперь возможность исправить высказанное Гильфердингом. Существует документ, принадлежащий Розе Люксембург не от 1904 г., а от *1916* года, т.-е. года, когда кризис уже был ясен, и II Интернационал уже развалился. Этот документ называется: «Руководящие положения о задачах международной социал-демократии», напечатан, как приложение к брошюре Юниуса, и принадлежит перу Розы Люксембург. Там мы читаем дословно:

«3. Центр тяжести классовой организации пролетариата лежит в Интернационале. Интернационал во время мира решает вопросы о тактике национальных секций, вопросы о милитаризме, колониальной политике, торговой политике, о праздновании 1-го мая, а затем и все тактические вопросы во время войны.

«4. *Обязанность выполнения постановлений Интернационала предшествует всем остальным организационным обязанностям. Национальные Секции, дей-*

ствующие вопреки постановлениям Интернационала, тем самым становятся вне Интернационала».

Товарищи, это ясно и определенно. Роза Люксембург не была против 21 условия, она была за них, как и мы.

Правая часть с'езда не права, когда она говорит, что, согласно параграфу 17 условий, товарищи левой части должны просто перейти в Союз Спартака. Это неправда. Этому не соответствует ни мнение Коммунистического Интернационала, ни самого Союза Спартака. По нашему мнению, необходимо братское об'единение всех коммунистических элементов, а не простой переход. И пусть вожди правых независимых будут покойны,—это братское об'единение произойдет по-товарищески, без всяких помех, бев ссор и соперничества.

Вот в чем смысл 21-го условия. И весь ход настоящего партийного с'езда доказал, что 21 условие хорошо достигают цели, которую они преследуют. Они помогают нам отделить плевелы от пшеницы, они помогают нам собрать воедино действительно коммунистические элементы. Когда мы освободимся от реформистов-оппортунистов, от полу-буржуазных аристократических элементов, когда мы останемся в своей среде, тогда мы легко столкуемся и о том, что в 21-м условии, быть может, должно быть изменено на основании практического опыта. Но теперь мы все стоим сомкнутым фронтом на основе всех положений Коммунистического Интернационала и всех 21 условий, формулированных лучшей частью международного рабочего класса. И когда наступает время разделения до конца, вместе с тем наступит—хотите вы этого или нет—и об'единение на одной стороне всех оппортунистических, а на другой—всех коммунистических элементов в Германии. Я утверждаю, что, раз даже на этом партийном с'езде, столь поспешно созванном правыми, когда 45 газет находи-

лись в их руках, когда они общие прения перенесли в организационную плоскость, где и пытались совершенно превратно истолковать 21 условие,—когда при всем этом коммунистическая часть партии независимых оказалась на с'езде в значительном большинстве, это служит полным доказательством того, что подавляющее большинство рабочих, членов партии Независимых, на нашей стороне.

В Германии образуется большая единая коммунистическая партия, и это будет величайшим историческим событием наших дней. Поэтому еще раз:

Да здравствует эта новая, единая коммунистическая партия, об'единенная коммунистическая партия Германии, об'единенная Секция Коммунистического Интернационала!

Товарищи, друзья, братья! Добро пожаловать в Коммунистический Интернационал!

